

ВЕСЕННИЙ ДЕТЕКТИВ

Дарья
ДОНЦОВА

Анна и Сергей
ЛИТВИНОВЫ

Татьяна
ПОЛЯКОВА

и другие :-)

**Анна Васильевна Данилова
Дарья Аркадьевна Донцова
Алла Полянская
Татьяна Викторовна Полякова
Наталья Николаевна Александрова
Галина Владимировна Романова
Анна и Сергей Литвиновы
Весенний детектив
2019 (сборник)
Серия «Великолепные
детективные истории»**

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=41994588
Весенний детектив: Эксмо; М.; 2019
ISBN 978-5-04-100157-5

Аннотация

Весенним днем так приятно ощутить первое дыхание теплого ветерка! И пусть до настоящего тепла еще далеко, мы уже чувствуем весеннее настроение и всюю готовимся к одному из самых приятных праздников в календаре – женскому дню

8 Марта! Самое время позаботиться о подарках для самых любимых женщин! Издательство «Эксмо» предлагает сборник «Весенний детектив», куда вошли рассказы признанных мастеров остросюжетной интриги. Ведь книга – по-прежнему лучший подарок!

Содержание

Анна Данилова	6
1	6
2	11
3	15
4	19
5	26
6	30
7	39
8	44
9	53
Дарья Донцова	55
Анна и Сергей Литвиновы	90
Конец ознакомительного фрагмента.	100

**Дарья Донцова, Анна
и Сергей Литвиновы,
Татьяна Полякова и др
Весенний детектив**

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Анна Данилова

Гример

1

Маша Астрова трижды выходила на поклон. И каждый раз ее сердце стучало вовсе не потому, что зрители выражали ей свою любовь. Бросая взгляды в переполненный зал провинциального театра, в котором она служила, Маша не видела ничего, кроме цветной ряби, какого-то пестрого волнующегося и шумного моря внизу, за оркестровой ямой, и ей хотелось плакать.

Она все делала как во сне: принимала охапки цветов, выслушивала комплименты тех поклонников, которым удалось проникнуть за кулисы, бежала в гримерку, чтобы поскорее снять с себя все эти тяжелые юбки, тесный парик, смыть с лица густой слой грима, переодеться и поскорее вон из театра.

Такое с ней происходило впервые. Прежде все это доставляло ей только радость, она бывала счастлива, находясь на сцене и вообще в стенах театра. Сейчас же, быть может именно в этот вечер, она впервые поняла, что все-таки не театр ее единственная любовь.

Еще вчера она прогуливалась по ночным, благоухающим распустившейся сиренью улицам города, вдыхая ее аромат и наслаждаясь жизнью, в обнимку с мужчиной. Еще вчера она дышала влажным весенним воздухом, врывающимся в окно машины, увозящей ее на самую окраину города, туда, где она планировала быть самой счастливой из женщин. Еще вчера прохладный воздух из сада заполнял спальню, где было очень тихо, не считая стонов.

Словно вчера была весна, успевшая нашептать ей слова любви, а сегодня наступило мертвое межсезонье, черная дыра кошмара, разорвавшая весеннюю ткань мая. Ей позвонили и сказали, что с Германом беда, что за ним приехала полицейская машина...

– Кто вы? Что вы такое говорите?

– Меня зовут Ирина, я соседка Германа. Ваш телефон я увидела записанный на театральной программке, вы же Мария Астрова, его невеста? Знаете что, вы лучше поезжайте сразу в Ленинскую прокуратуру, фамилия следователя Сазыкин, он вам сам все и расскажет. От себя же могу сказать только одно: я не верю, что это сделал Герман.

И гудки.

Маша сразу после репетиции помчалась в Ленинский район, таксист привез ее в прокуратуру, где она нашла следователя Вадима Сергеевича Сазыкина. Молодой парень с хмурым лицом и сигаретой в зубах.

– Проходите.

– Что случилось с Германом Петровым, из Поливановки? Мне соседка позвонила, сказала, что с ним беда. Меня зовут Мария Астрова, я его... девушка.

– Вот как? Отлично. А случилось с ним... Он домработницу свою убил, Татьяну Васильевну Курочкину. Она же была и его соседкой.

– Что? Да вы с ума сошли! – воскликнула Маша, вскакивая и потрясая своими маленькими кулачками. Волосы ее растрепались, лицо покраснелось.

– Мне кажется, я где-то вас видел... – не обращая внимания на ее эмоциональный всплеск, сказал Сазыкин.

– Актриса я, – шумно вздохнув, Маша вернулась на стул и принялась нервно приглаживать свои волосы. – В драмтеатре, может, видели меня.

– Астрова, говорите? Ну, точно! И что же это вы, госпожа Астрова, пришли защищать убийцу?

– Герман – он замечательный! Я люблю его, мы собирались пожениться! Танечка... Вернее, Татьяна Васильевна была ему как родная! Она работала у него много лет, помогала по хозяйству, готовила... Как он мог ее убить? Зачем?

– Был звонок, звонила женщина и сказала, что в мастерской Германа Петрова, что живет в Поливановке, в диване лежит тело убитой им женщины, его домработницы.

– Бред... Этого не может быть! И кто звонил?

– Госпожа актриса, вам не кажется, что вы задаете слиш-

ком много вопросов?

– Да его же подставили!

– Разберемся...

Он не выглядел человеком, которому доставляет удовольствие мучить других людей. Видно было только, что он устал. Еще чувствовалось, что он разбирается в людях куда лучше, чем Маша. Сколько раз в этом кабинете звучали слова: «он не виноват!» Или «она не виновата!». Однако люди совершают преступления, и их близкие, друзья до последнего не верят в вероятность этого.

Но только не Герман...

– Скажите, что мне делать? Я могу с ним встретиться и поговорить?

– Нет, это исключено. Единственное, что вы можете сделать, это нанять адвоката.

– Скажите, вы же видели его... Вы же должны разбираться в людях... Зачем Герману убивать Танечку? Да еще к тому же прятать ее в диван?! Вы же даже не знаете, что это за диван!!! Авторская работа, чудесный диван с резной спинкой и шелковой обивкой! Да, там есть отделение для постели, но если бы вы знали Германа, то поняли бы, что даже в самом своем кошмарном сне он, во-первых, не стал бы никого убивать и уж тем более прятать труп в диван, над которым он работает уже больше полугода!!!

Она вышла от следователя в полубессознательном состоя-

нии. Весь ее мир разрушился сегодня утром. Майское солнце скрылось за тучами, за окнами прокуратуры наводил уныние своими блеклыми красками серый и какой-то мертвый город.

Маша позвонила Галине, администратору театра, которая знала все и всех в городе.

– Галя, мне срочно нужен адвокат. Самый лучший.

– Самая лучшая – это Лиза Травина, она защищала Гарика, помнишь, на него хотели повесить убийство дяди?

– Да... Припоминаю что-то такое...

– Но она – очень дорогой адвокат.

– Если Гера мне позволит, я продам тот комод, который он хотел оставить для меня, для нашей спальни... Он стоит полмиллиона!

– Что, уже есть покупатель?

– Есть. Один чиновник, он еще в прошлом году приезжал, просил Геру продать этот комод... Но он сделал его как бы для себя, вернее для меня... Значит, говоришь, Лиза Травина. У тебя есть ее телефон?

– Я тебе перезвоню, когда найду. А что случилось-то?

– Галь, я тебе потом расскажу, хорошо?

– Можно?

В дверях адвокатской конторы «Травина & Кифер» появилась стройная девушка в черном английском костюме и черных туфельках на шпильках. Каштановые волосы ее были уложены высоко, открывая чистый гладкий лоб. Огромные черные испуганные глаза с воспаленными от слез розовыми веками. Лиза сразу узнала ее. Мария Астрова, молодая и очень талантливая актриса драмтеатра.

– Ведь вы играли Машу в спектакле «Враги: история любви»? – Лиза, подойдя к ней танцующей походкой, легонько ткнула посетительницу указательным пальцем в плечо.

– Да... – пробормотала та растерянно, продолжая стоять на пороге.

– И Екатерину в «Грозе»?

– Да, все правильно... Это я. Мне нужна Лиза Травина, вернее, – она достала визитку, – Елизавета Сергеевна Травина.

– Это я. Проходите, пожалуйста. Извините, что так странно вас встретила. Просто у меня сегодня какое-то приподнятое настроение, не знаю с чего...

Лиза была в цветастом шелковом платье, на груди был приколот букетик живых ландышей, и видно было, что она явно не расположена к работе. Словно зашла на минутку в

контору, не собираясь здесь задерживаться.

– Просто весна, – вздохнула, горько улыбнувшись, Маша. – У меня вчера тоже такое же настроение было, а сегодня все разрушилось. И вокруг – темнота...

Сказала она и разрыдалась.

Лиза усадила ее в кресло, принесла воды.

– Что вы хотите? Чтобы весна к вам вернулась?

– Да... – зубы Маши стучали о стекло бокала. – Очень хочу. Хочу, чтобы исчезла вся эта чернота... Он же ни в чем не виноват!

– Рассказывайте!

Маша начала рассказывать, но после первого предложения запнулась.

– А ведь я вообще ничего не знаю!

– Кто ведет дело?

– Сазыкин.

– А, понятно. Это Вадик. Я сейчас.

Лиза вышла из приемной на крыльцо, набрала номер Вадима Сазыкина. Переговорив с ним, она вернулась к Маше.

– Значит, так. В полицию действительно позвонила какая-то женщина, у нее был пьяный голос, и она сказала, что в диване вашего Германа лежит труп его домработницы. Полиция выехала на место. Герман был дома, он спокойно работал себе в своей мастерской, а буквально в двух метрах от него, в диване, внутри, был обнаружен труп пятидесяти-

летней женщины, его домработницы и соседки Татьяны Васильевны Курочкиной. Вадик видел вашего Германа, сказал, что тот действительно как-то не похож на убийцу, что он тоже выглядел удивленным, вернее потрясенным... Сказал, что видел Татьяну Васильевну последний раз после обеда, когда та кипятила молоко, которое у нее, кстати говоря, убежало... Но не думаю, что за это можно убивать!

– А как ее убили? Что, застрелили прямо? – спросила Маша.

– Нет, налицо все признаки отравления. Следователь ждет результаты вскрытия. Но эксперт сказал, что, скорее всего, это цианид.

Труп в диване – это одна улика. Пузырек с остатками яда в мусорном контейнере позади дома – это тоже возможная улика, если на нем окажутся отпечатки пальцев Германа.

– Да у него в мастерской этих пузырьков – миллион! Он же краснодеревщик, у него и лаки, и какие-то смеси, растворители, я не знаю... В любой такой пузырек могли плеснуть яду, и он взял бы, думая, что это какой-нибудь лак или краска... Вот вам и отпечатки пальцев! Пока он работал в мастерской, может, включил какой-нибудь станок, было шумно... А убийца в это время пришел к нему домой, Танечка могла ему сама дверь открыть...

– Давайте рассуждать логически. Если бы посетитель пришел к Танечке, как вы ее называете, это понятно. Она, предположим, предложила ему выпить чаю, и он подлил яд в чай.

И это бы означало, что она была знакома с этим человеком. Но если посетитель пришел к Герману, то Танечка могла бы предложить ему чаю или кофе только в том случае, если хозяина не было дома.

– Пожалуйста, найдите убийцу Танечки... Деньги у меня будут завтра, я договорилась, у меня покупают комод...

– Какой еще комод?

– Красного дерева. Но это неважно. Вы скажите мне, пожалуйста, сколько стоят ваши услуги...

– Этим мы займемся завтра. А сейчас предлагаю поехать к вашему Герману и поговорить с ним. Думаю, я сумею это уладить.

– У меня спектакль... Я не могу подвести всю труппу и зрителей... – заныла Маша. – И к Герману хочется. Что мне делать?

– Пойдемте, я подвезу вас в театр, а потом поеду навестить Германа. Что-то мне не нравится эта история... Думаю, что его кто-то захотел крепко подставить. Все, работаем!

– Герман Петров?

Герман увидел входящую в комнату молодую женщину в цветастом открытом платье. Светлые волосы, розовые губы, веселые глаза. Кто-то явно радовался наступившему теплу, весне, теплему ветру, солнцу, цветам, кто-то считал вправе наслаждаться жизнью, самыми простыми вещами и явлениями. Но только не Герман.

– Да, это я, – он недоумевал. Что может здесь делать эта очаровательная и какая-то несерьезная женщина. – А вы, извините... Я что-то не припомню.

Он сначала подумал, что это кто-то из его заказчиков пришел посодействовать, помочь, попытаться вызволить из следственного изолятора. Его заказчики были людьми небедными, некоторые из них занимали высокие посты. Случи же распространяются быстро...

Женщина села напротив него и улыбнулась.

– Давайте знакомиться, я – ваш адвокат, Елизавета Сергеевна Травина. Меня наняла ваша подруга – Мария Астрова.

– Вот как?

– Герман, у меня очень мало времени, а вопросов – тьма! Итак. Расскажите мне, пожалуйста, все, что произошло с вами вчера. И остановитесь на ваших отношениях с вашей домработницей Татьяной Васильевной Курочкиной.

– Я был дома, работал. Танечка прибиралась, потом кипятила молоко, и оно у нее убежало. Я в мастерской, которая в шаге от дома, окна кухни распахнуты, тепло же, вот и слышал запах горелого молока. Потом мне надо было уйти, буквально до магазина, купить растворитель. Вообще-то у меня была целая бутылка, но она куда-то исчезла... А без него – как? Руки надо оттирать... Я вышел из мастерской. Открыл ворота и поехал в магазин. Вернулся, зашел на кухню, выпил чаю и пошел в мастерскую. Работал еще какое-то время, после чего услышал шум машины, в мастерскую ворвались полицейские, скрутили меня, чуть мне руки не сломали... Подвели к дивану, к моему дивану, который я сделал! Открыли его, а там – мамадарагая!!! – Танечка лежит... Не дышит. Не понимаю, кому я так насолил в жизни, чтобы меня так подставлять! Жил себе тихо-мирно, у меня девушка есть... Конечно, она намного младше меня, но у нас все серьезно... Я собирался жениться на ней!

– Может, это сделал кто-то из ее воздыхателей?

– Не знаю. А как Танечку жалко! Такая безобидная женщина! Добрая, чуткая! Да она мне как родная была! Мы с ней почти пятнадцать лет вместе!

– Скажите, Герман, вот что необычного, из ряда вон произошло с вами в последнее время? Может, звонил кто или приходил? Угрожал? Навещал вас или Танечку? Может, в вашем присутствии кто-то звонил вашей Маше, и вы по ее ответам могли бы предположить, что ей звонил мужчина?

– Знаете, каждый мой день очень похож на другой, но я говорю это не в плане жалобы, а наоборот, каждый мой день был спокойным и счастливым, и я хотел бы, чтобы и дальше все так же продолжалось... У меня было все: любимое занятие, которое приносило мне, кстати говоря, хороший доход. Дом, прекрасный дом, доставшийся мне от родителей и отремонтированный мною, мой дом, понимаете? И, самое главное, меня полюбила девушка, которая как бы не из моего мира, актриса, чудесная, талантливая... Я старше ее, я вообще столяр, плотник, делаю мебель...

– Не прибедняйтесь. Я наводила о вас справки. Вы мастер, у вас золотые руки. Вы художник, а не столяр или плотник. Но я поняла вашу мысль.

– Наше чувство взаимно, понимаете? И что я теперь ей скажу? Не представляю, как это вообще могло случиться со мной? За что? Почему? Маша теперь там с ума сходит, а у нее пять спектаклей, и везде – главная роль!

– Герман, думайте, думайте! Вспоминайте!

– Ничего необычного не случилось.

– Хорошо. Вот вам моя визитка. Я поговорю с начальником следственного изолятора. Если что вспомните, он даст вам возможность позвонить. И не раскисайте! Можете написать письмо Маше, я позабочусь о том, чтобы его ей передали. Все-таки она актриса, ей нельзя волноваться, она должна верить в вас и в положительный исход дела.

С этими словами Елизавета Сергеевна Травина встала, до-

стала из сумочки горсть шоколадных конфет и протянула Герману:

– Вот, подкрепитесь! Я в следующий раз принесу вам что-нибудь посущественнее! Или пришлю посылочку!

Она ушла, в комнате остался лишь запах ее духов. Герман подумал о том, что даже не успел поблагодарить ее за визит и теплые и ободряющие слова.

«Но она совсем, совсем не похожа на адвоката...»

Глафира Кифер, помощница Лизы, пухлая молодая женщина в вельветовых зеленых джинсах и белой водолазке, разговаривала с соседкой Германа, Ириной Куликовой, в ее беседке, уже вечером, при свете фонаря. Нежная гирлянда винограда обвила деревянную решетку и светилась бледно-зеленым светом. Ирина, простая женщина в красной майке и спортивных синих штанах, угощала Глафиру чаем на травах и лепешками с маслом.

– Вот уж трагедия так трагедия!!! И у кого это рука поднялась на Танечку? Да, это я позвонила Машеньке, когда узнала о случившемся. Я же видела ее, по соседству же живем, все друг про друга знаем. Герман – чудесный человек, мы все его любим. Он был когда-то давно женат, да только ничего путного из этого брака не вышло. Кажется, она его бросила, нашла себе побогаче. Вот если бы она, эта мадам, знала, каким мастером-краснодеревщиком станет ее Гера, какие вещи научится делать и сколько зарабатывать, конечно, она бы его не бросила. Но, видать, это судьба...

– И что, Герман все эти годы жил один?

– Ну да. Может, он и встречался с кем-то, но сюда не приводил. У него здесь, как бы это выразиться, святое место, что ли. Дом родительский, который он очень любит. Мастерская, станки разные... Здесь его жизнь. Вот пока не встретил

девушку по душе, никого не приводил, а Машеньку привел. Она часто здесь ночевала, рано утром он ее увозил обратно в город, в театр, наверное, на репетиции. И это чудо какое-то, что я нашла номер ее телефона на программке!

– У него разбился телефон, все номера были утеряны... Маша позвонила Татьяне Васильевне, и та записала ее номер для Германа как раз на программке. Ирина, скажите, никто из посторонних к Герману не приходил? Или к Татьяне?

– Вообще-то место у нас тихое, чужаки редко заходят... Но на прошлой неделе был тут один, на машине приезжал, мой муж сказал, что машина с московскими номерами. Черная такая, большая, новая... Мужчина обыкновенной внешности, в синей рубашке и джинсах, зашел к Герману домой. Дома была Танечка. Это она мне потом рассказывала, мы еще смеялись... Спрашивал, не продается ли дом. Таня ему сразу сказала, что нет и что здесь вообще никто дома не продает. И удивилась еще, зачем ему, москвичу, дом в Поливановке! Спросить прямо в лоб не посмела, но мы с ней потом подумали, что он, может, родом отсюда, может, у него здесь родители живут, и он им хочет купить... Разные ситуации в жизни бывают. Ну, он вышел, сказал, что походит по поселку, посмотрит, поспрашивает. Сказал, что нравится ему это место. Вроде бы город, а с другой стороны – чистый воздух и тишина. Я уж не стала ему говорить, что Поливановка – вообще-то место беспокойное, здесь же в прошлые времена бандиты жили!

– И что, больше он не приезжал?

– Таня мне больше ничего не говорила.

– Скажите, как я могу проникнуть в дом Германа? Я понимаю, конечно, что дом опечатан и ключи у следователя, но мне очень, очень хочется помочь вашему соседу.

– Вам нужен ключ. Я поняла. Что ж, ключи от его дома находятся у Тани, я даже знаю место, где они висят. Или висели. На гвоздике в передней. Но и ее дом тоже опечатан, не так ли? – Ирина усмехнулась с видом человека, знающего куда больше положенного. – А вот ключи от Таниного дома – у меня! Господи, как подумаю, что ее, бедной, нет в живых, так оторопь берет... И за что на нас такая напасть?!

Ирина принесла ключи.

– Вот, смотрите.

– Ирина, а вы не могли бы составить мне компанию?

– Конечно... пойдёмте. Я с радостью вам все покажу, помогу, чем смогу.

Дом Татьяны Васильевны Курочкиной был большим, добротным, уютным. Обстановка скромная, но все вычищено, блестит, словно хозяйка целыми днями только и делала, что убиралась.

– Да, тихо здесь... – вздохнула Ирина, следуя за Глафирой из комнаты в комнату и машинально поправляя и без того лежащие в полном порядке вещи. – Танечка... Знаете, когда она была жива, в доме всегда громко работал телевизор. Она

же была одинокая женщина, вдова. Вот как похоронила мужа, испытала стресс, так и стала бояться оставаться дома одна. Но жить-то как-то надо. Сначала я к ней часто приходила, ночевала у нее. А потом подсказала ей спать с работающим телевизором и с лампой.

Глафира просмотрела документы Танечки, фотографии. На вид ей было под пятьдесят, простое, с мелкими чертами лицо, короткая стрижка, добрые глаза. В шкафу висело всего несколько платьев и один-единственный костюм из синей шерсти.

– Вот в этом костюме мы с соседками и решили ее хоронить. Но пока что она в морге, экспертиза и все такое... – Ирина тихо затворила створки шкафа. – Ну, что, ничего интересного не нашли?

– Нет... Скажите, а вы присутствовали здесь во время работы экспертов?

– А, я поняла. Чашки с ложками взяли. Эксперт, дядька такой симпатичный, в возрасте, понюхал одну чашку и сразу определил, что там был яд. Пахнет, наверное, как-то по-особенному, горечью...

– Да, ее действительно отравили, – подтвердила Глафира. – Ну что ж, проводите меня теперь в дом Германа, вашего соседа. Благо ключи у нас теперь есть...

И Глафира сняла с гвоздика связку.

В доме Германа Петрова пахло лаком и свежей стружкой.

– Чуете, какой запах? Это он стол недавно смастерил и поставил в кухне, видите? У мужика руки золотые, да и сердце доброе. Знаете, мы все его любим, когда у кого-то трудности, ну, в плане денег, он всегда выручает. И никогда проценты не берет.

– Скажите, а не могло такое случиться, что его могли подставить люди, которые ему много задолжали?

– Нет. У нас если и одалживают, то отдают. Люди здесь живут нормальные, совестливые.

В доме было просторно, всюду множество светильников, новые занавески, огромный телевизор.

– Плазму вот он себе купил недавно. Это ему Танечка подсказала. Что это ты, Гера, говорит, себе телевизор нормальный не купишь? У всей улицы уже есть, а у тебя – нет. Куплю, Танечка, сказал он и купил. Я-то знаю, зачем Танечка ему так сказала. Когда все дела сделает, все приготовит, скучно ей, вот она, поджидая его, пока он в мастерской все свои дела закончит, сидит перед новенькой плазмой и сериалы свои смотрит. Они так дружно жили! Не понимаю, кому это понадобилось убить Танечку и подсунуть Гере ее труп?!

В доме Германа Глафира тоже ничего особо интересного не обнаружила. Просмотрела все его документы, бумаги, открытки в поисках какого-нибудь московского следа – ничего.

– Знаете, он вообще-то большой аккуратист, всегда все лишнее выбрасывает, хлам у него не копится, это мне Танеч-

ка говорила. Мы-то, женщины, вечно что-то собираем, копим, складываем... А здесь, сами видите, ничего лишнего.

Выключив везде свет и заперев дом, женщины вышли на улицу.

– Смотрите, какая роскошная у Геры сирень! Какая-то персидская, что ли... Махровая, густая, а пахнет!!! Сколько вечеров они тут с Машенькой сидели, я видела их в окно... Обнимались. И мы с Танечкой радовались, ну, думаем, женится скоро наш Гера. А он, вот, загремел в тюрьму!

– Ну, до тюрьмы еще далеко, и не факт, что он туда попадет. Иначе зачем я здесь?

– Вы уж, пожалуйста, найдите того, кто убил Танечку. Тогда и Геру отпустят.

Они вернулись в беседку Ирины, поговорили еще немного о Германе, Тане, Глафира поблагодарила Ирину за помощь и вкусный чай, вернулась в машину и позвонила Лизе.

– На перекрестке, знаешь, где поворот на Поливановку, есть камера наблюдения. Надо бы просмотреть, когда в Поливановку приезжала большая черная машина с московскими номерами... – она объяснила суть дела. – Нас интересуют последние два дня перед убийством, то есть третье и четвертое мая, ну и день убийства – пятое мая! Больше, Лиза, ничего особенного в этом тихом поселке вроде бы не происходило. Может, это, конечно, и ложное направление, но кто

знает... Надо бы проверить!

Поздним вечером, после спектакля, не зная, куда себя деть, Маша с букетами вышла из театра, вызвала такси и попросила отвезти ее в Поливановку.

Она придумала игру. Как будто ничего не произошло. Она приедет сейчас, увидит, что окна дома Геры светятся, и сердце ее забьется от радости! Она распахнет калитку, взлетит на крыльцо, и Гера, услышав шум машины и почувствовав ее близкое присутствие, откроет ей дверь, подхватит ее в свои объятия.

Как бы много она за это дала!

Но когда машина свернула в знакомый проулок, окна всех близлежащих домов светились за исключением дома Германа. Темно было и в его мастерской.

«Проведу ночь в его доме, присмотрю за ним, мало ли что», – решила она, возвращаясь в суровую реальность. Ключ от дома всегда был при ней, в сумочке. «Это тебе, – сказал Герман, отдавая ей ключ. – Ты же здесь уже хозяйка!»

Маша расплатилась с водителем, подошла к калитке, просунула руку, придерживающую охапку роз и тюльпанов, между металлических прутьев калитки, распахнула ее, прошла по темному двору, поднялась на крыльцо, открыла дверь и прислушалась. Как же было тихо! Только сверчки пели свою спокойную и красивую песню. Хорошо сверчкам, они-

то друг друга не убивают.

Маша собралась было уже включить свет на террасе, как вдруг услышала шум подъезжающей машины. Подумала еще: хоть бы мимо! Но машина, судя по звукам, остановилась как раз возле ее калитки. Она поймала себя на мысли, что относится к этому дому не то чтобы как к своей собственности, но все равно с чувством ответственности за все, что принадлежит Герману. И кто это пожаловал?

Хлопнула дверь, послышались тихие шаги. Затем она услышала, как открывают калитку. Маша резко повернулась, приблизилась к двери и закрылась на замок. От страха у нее заболел живот, а колени стали слабыми, она могла рухнуть без чувств в любую минуту!

Под ногами она почувствовала что-то мягкое. Цветы!!! Она и не заметила, как они вывалились у нее из рук.

Она подошла осторожно к стеклянным окнам террасы, увидела метание света за окнами мастерской, представлявшей собой длинное вытянутое одноэтажное строение. Там кто-то был! Тот, кто приехал сюда на машине!

Убийца? Недаром же говорят, что убийц просто магнитом тянет на место преступления!

Надо было срочно звонить Елизавете Сергеевне!

Дрожащими руками Маша достала из сумочки телефон, набрала ее номер.

– Добрый вечер... – шептала она в трубку. – Я нахожусь в доме Германа! Сюда кто-то приехал! Думаю, что мужчина.

Он зашел в мастерскую! Что мне делать?

– Маша, где вы сами?

– В доме, заперлась. Я не успела включить свет, поэтому он не знает, что я здесь.

– Если сможете, пройдите к другим окнам дома, которые выходят на улицу, и постарайтесь увидеть номера машины! А я сейчас приеду! Хотя... На поездку у меня уйдет почти полчаса!

– Может, вызвать полицию?

– Я вам перезвоню. А пока что делайте то, что я сказала.

Маша прошла через весь дом и в окнах спальни раздвинула шторы и увидела большую черную машину, джип. Но он стоял боком. Номеров не было видно. Она достала записную книжку, ручку и решила выбраться из дома тихо, незаметно подойти к машине и записать номера.

Но когда она только щелкнула замком на входной двери, ее охватил такой страх, что вылазка к калитке показалась ей невозможной. У нее зуб на зуб не попадал.

И тут замершее в вечернем весеннем оцепенении пространство вокруг дома разорвал странный звук, похожий на сильнейший удар металлом о камень! Затем еще один! Затем еще! При каждом ударе тело Маши сотрясилось. Ей, как маленькой девочке, захотелось спрятаться под кровать.

И тут же мысль, что человек, находящийся в мастерской, занят, это же он рубит что-то там, внутри помещения, а это значит, что он какое-то время точно не выйдет оттуда, толк-

нула ее на действия.

Она рывком распахнула дверь, выскользнула на крыльцо, пробежала между домом и мастерской, выбежала на улицу и быстренько срисовала номера в записную книжку. И так же вернулась обратно. Позвонила Травиной, продиктовала номер.

– Отлично! – услышала она. – Мы так и думали! Ты – молодец, Маша! Сиди в доме и не высовывайся! Я приеду.

И почти в то же самое время стук прекратился, послышался стук двери, Маша увидела, как мужчина в черной одежде выбегает из мастерской и скрывается за углом, потом она услышала шум отъезжающего автомобиля. И стало тихо. Только удары сердца, сильные, бухающие, заполняющие собой все звуковое пространство вокруг...

Адвокат Елизавета Травина и ее помощница Глафира Кифер пили кофе в своей конторе в ожидании звонка из Москвы. Коллега Лизы, Юлия Земцова, проживающая в Москве и занимающаяся частным сыском, обещала помочь найти сведения, касающиеся хозяина автомобиля, черного внедорожника «Toyota RAV-4» с московскими номерами, которые, засветившись на видеокамере на повороте в Поливановку, полностью совпали с номерами машины, которые записала Маша Астрова.

Речь шла о машине, в которой находился человек, интересующийся покупкой дома Германа Петрова в Поливановке и который потом, спустя сутки после убийства Татьяны Курочкиной, разбил кувалдой цементный пол в его мастерской.

– Не мое это, конечно, дело, – начала осторожно Глаша, поглядывая на задумчивую Лизу, – но не слишком ли много задачек мы поставили перед Юлей?

– Она любит такие задачки, это во-первых, – очнулась от своих раздумий Лиза. – Во-вторых, у нее полно помощников, которые без труда сделают для нее эту работу.

Позывной скайпа заставил обеих женщин слегка вздрогнуть.

– Наконец-то! – воскликнула Лиза и нажала клавишу ноутбука, и тотчас на экране высветилось знакомое лицо Юлии

Земцовой. Худенькая молодая женщина с длинными русыми волосами и милым улыбающимся лицом. – Юля, как же я рада тебя видеть! Ну что, удалось тебе что-нибудь выяснить?

– Да, конечно. Если есть номера, то уж найти хозяина машины – пустячное дело. Итак, его зовут Юрий Петрович Костров, он владелец пяти магазинов цветов и сувениров в Химках. Проживает в многоквартирном доме на Березовой аллее. У него есть жена, Вера, и двое маленьких детей...

– Постой, ты что, ездила туда?

– Ну да, конечно. Должна же я была выяснить, какого черта ее муж делал в Саратове, найти, так сказать, саратовский след!

– И что? – хором спросили Лиза с Глафирой.

– Пришла, представилась его саратовской родственницей, сказала, что я никогда в жизни не видела своего троюродного брата Юру... Словом, неважно, что я ей наплела, главное, что она впустила меня в квартиру, угостила пирожками и сказала, что да, действительно, пятнадцать лет тому назад Юра проживал в Саратове, снимал там квартиру, а работал в тепличном хозяйстве, где-то под Саратовом. Что всегда мечтал, что у него будет либо своя теплица, либо цветочный магазин...

– Значит, все-таки Саратов... – протянула Лиза. – Отлично.

– У него есть друг, Егор Жуков, они вместе начинали в саратовской теплице, но только Юра приехал в Москву пер-

вым, потом к нему приехал и Егор, они вместе снимали квартиру в Подмоскowie, устроились на работу в тепличное хозяйство, потом взяли кредит и построили свою теплицу, где начали выращивать цветы, рассаду. Потом одну за другой начали открывать цветочные палатки, затем арендовали помещение под магазин... Словом, развернулись ребята и теперь разделились, Егор поставлял цветы и рассаду Юрию, а тот продавал в своих магазинах. Они дружат семьями – Костровы и Жуковы, у Егора тоже семья и один маленький сын.

– Жена Кострова знает, что ее муж сейчас в Саратове? Во всяком случае, ночью-то он точно был в Поливановке.

– Нет, не знает, конечно. Она думает, что он в Сергиевом Посаде, занимается закупкой керамики для своих магазинов.

– Класс! – воскликнула Глафира. – Значит, ему есть что скрывать от жены!

– Значит, у вашего Кострова прекрасная семья, бизнес процветает, однако его почему-то потянуло в нашу Поливановку...

– Он же появился здесь ночью, – произнесла Лиза и рассказала Земцовой обо всем, что случилось в мастерской Германа ночью, со слов Маши Астровой. – Мы же с Глашей приехали туда спустя полчаса после того, как он уехал, вошли в мастерскую и увидели, что пол, как раз под тем местом, где стоял диван с трупом домработницы, вскрыт. Плитка выломана, и разбит цементный пол, а рядом лежит огромная кувалда... Я позвонила Мирошкину, попросила его, чтобы он

прислал экспертов для снятия отпечатков пальцев. Но мне позвонили час тому назад – ни одного отпечатка! Он работал в перчатках. Кстати говоря, и на бутылке с ядом тоже нет отпечатков... Так что нашему преступнику некогда было даже подставлять Германа...

– Очень странная история, – сказала Земцова. – Зачем ему понадобилось долбить пол? И почему прямо сейчас, когда с момента убийства прошло так мало времени?!

– Может, там клад? – предположила Глафира. – Поэтому он хотел купить этот дом?

– Лиза, тебе надо встретиться с Германом и узнать, кому раньше принадлежал этот дом, что было на месте мастерской. Может, там был просто сад и там, в земле, действительно было что-то зарыто?

– Юлия, ты как рассталась с женой Кострова?

– Я поняла твой вопрос, милая. Конечно, я сказала, что заеду еще. Ну и, конечно, я успела ее расположить к себе. Во-первых, пришла с подарками для детей, поскольку знала, что дети у Кострова есть, во-вторых, ей самой, Верочке, подарила коробку духов плюс торт! Очень милая женщина эта Вера.

– Позвони ей и скажи, что придешь еще раз, только уже с ночевкой. И хорошо, если она тебя пустит к компьютеру, скажи, что тебе надо проверить почту... Посмотри, чем увлекался Костров, какими сайтами интересовался, хорошо?

– Обязательно, я и сама об этом думала, просто в первый

приезд как-то не совсем удобно было, да и обстановку надо было проверить... А вы тогда отправляйтесь в теплицу, где работал Костров, это где-то в районе. Узнайте, какая из теплиц, причем цветочного направления, процветала в прямом смысле пятнадцать лет тому назад. Может, найдете тех, кто был знаком с Костровым.

Вечером Лиза с Глафирой уже разыскали в Энгельсском районе, в Квасниковке, женщину, теперь уже владелицу тепличного хозяйства «Подснежник», Марину Захаровну Калачеву, которая в прежние времена была рабочей по найму и очень хорошо помнила Юру Кострова и Егора Жукова, двух неразлучных друзей.

Марина Захаровна впустила незваных гостей в свой дом, предложила чаю.

– Вы, значит, Елизавета Сергеевна Травина, – сказала она загадочно. – Не знаю, зачем уж вам понадобился Юра Костров, но если уж сама Травина им заинтересовалась, значит, дело тут нечистое... Вы только, пожалуйста, оставьте мне вашу визитку, у меня к вам тоже будет одно дело...

– Марина Захаровна, расскажите о Кострове.

– Обыкновенный парнишка. Молоденький, ему было тогда двадцать пять. Симпатичный очень. Между нами говоря, у нас с ним намечались кое-какие отношения... Но я уже была замужем и все такое...

– Как получилось, что он оказался в Москве?

– Юра влюбился и собирался пожениться. У нас же преимущественно женский коллектив. Ну, мне и доложили, что наш Юрочка влюбился в девушку по имени Стелла. Редкое имя, согласитесь. Но она как будто бы замужем, и ее муж – гример в нашем драмтеатре. Но должна вот-вот развестись. После свадьбы Юра мечтал отправиться с женой в Москву и начать там новую жизнь, устроиться в теплицу, взять кредит... Вот такие у него были планы. Но все подробности я узнала уже потом, когда следом за ним засобирался Егор.

– Что еще помните из этой истории? Какие-нибудь детали? Как нам разыскать эту Стеллу?

– Юра иногда сам отвозил нашу продукцию в центральный цветочный магазин, что на проспекте Кирова, его там могут помнить те, кто еще работает там с тех времен. Знаю с их слов, что часть цветов, ну просто огромные охапки, он сам у них покупал для своей девушки. Вспомнила просто анекдотичный случай, связанный с этим... Цветов было так много, мне рассказывали, что бабка Стеллы, очень практичная, видать, женщина, относила эти цветы в киоск, что возле вокзала, и продавала там за полцены... Вот!

Выйдя от Калачевой, Лиза сразу же позвонила Юле Земцовой. Та как раз ужинала в обществе жены Кострова, Веры.

– Юля, пожалуйста, узнай, был ли Костров женат, слышала ли Вера о девушке по имени Стелла.

Юля же, в свою очередь, сказала:

– Костров последние дни интересовался балериной Матильдой Кшесинской, но я только что села за компьютер, потом тебе перезвоню...

Из Квасниковки поехали в город, на вокзал. Нашли киоск, в котором всегда продавали цветы. И старая продавщица, дымя сигареткой, вспомнила женщину, которая приносила ей цветы, которыми ее внучку Стеллу заваливал какой-то ухажер. Она даже показала дом рядом с вокзалом, где жила эта старая женщина.

В доме нашлись и ее соседи, которые вспомнили и «бабку», Антонину Михайловну Потеряеву, жившую вместе с сиротой-внучкой Стеллой. У Стеллы действительно был жених, который красиво за ней ухаживал, пел серенады под окном, а потом стал ее мужем. Он работал гримером в драмтеатре. Был старше Стеллы, очень положительный человек, Антонина Михайловна его очень уважала. После замужества Стелла редко навещала бабушку, а потом вдруг зачастила, да не одна, а с парнем, но не с мужем, а, видать, с любовником. Совсем молоденький парень и тоже красиво ухаживал. Серенад, правда, не пел, зато одаривал цветами. Все в доме знали, что большую часть цветов Потеряева продавала за полцены в киоске на вокзале. Потом Антонина Михайловна сказала, что Стеллочка ее разошлась с гримером и выходит замуж за «цветочника», имени его она не называла. Возможно, от этих событий бедная женщина разволновалась, у

нее случился инсульт, и она умерла. И Стелла тоже исчезла и больше не появлялась, и никаких распоряжений относительно жилплощади в ЖЭК не поступало. Однако все в доме знают, что соседи Потеряевой по лестничной площадке, Фомичевы, сдают потихоньку «потеряевскую» квартиру, ну и сами, конечно, оплачивают коммунальные услуги.

Было девять вечера, когда Лиза с Глафирой приехали в театр. Спектакль «Трамвай «Желание», в котором Маша Астрова играла Стеллу, уже заканчивался. Они поджидали ее возле примерной.

– Умираю, хочу есть, – призналась Глаша. – Какой сегодня насыщенный день! Так и похудеть можно!

– Потерпи немного, вот сейчас попросим Машу выяснить, кто здесь работал гримером пятнадцать лет тому назад, и таким образом узнаем, кто был мужем Стеллы.

– И что дальше?

– Не знаю... Посмотрим. Я бы тоже не отказалась даже от простой яичницы...

Время шло, спектакль и не думал заканчиваться. Мимо них проходил какой-то человек, вероятно служащий в театре.

– Скажите, а вы не знаете, кто здесь у вас работал гримером пятнадцать лет тому назад? – спросила Глафира безо всякого энтузиазма.

Мужчина был в широких штанах и рабочей клетчатой

блузе. Руки его были вымазаны краской, да и нос был слегка перепачкан как будто бы мелом.

– Гера Петров, а что?

Дождавшись Машу, все трое поехали в Поливановку.

– Подождем в доме, может, этот таинственный парень на джипе снова приедет, – загадочно сказала Глафира перепуганной Маше, когда они выходили из театра.

– Еле-еле спектакль отыграла... Все о Гере думала, – произнесла Маша уже в машине, на которой ее везли в дом ее любимого. – Как же хорошо, что мы едем туда все вместе! Не так страшно будет!

– Сколько тебе цветов надарили! – проговорила Лиза, сидящая на переднем сиденье рядом с Глашей, обернувшись к Маше, все заднее сиденье рядом с которой было завалено цветами. – Хорошо прошел спектакль?

– Я старалась, старалась не думать о Гере, но это так трудно...

– Да уж, тяжелая у тебя профессия... – заметила Лиза.

– Может, вы оставите свою машину где-нибудь на другой улице, чтобы не спугнуть этого... убийцу, – предложила Маша. – Вдруг он снова явится?

– Можно, конечно, и так поступить, да только чутье подсказывает мне, что больше он сюда уже не сунется. Разве что через недельку, а то и месяц... – напустила таинственности Лиза, лукаво поглядывая на Машу.

– Лиза, вы сегодня какая-то... даже не знаю, как сказать.

Вы что-то узнали? Вы знаете, кто это был?

– Вот приедем и обо всем поговорим.

По дороге заехали в магазин, купили продуктов, а когда приехали в дом Германа, Глафира тотчас с хозяйским видом принялась готовить ужин. Машину действительно оставили в соседнем проулке.

Салат из свежих огурцов, печеная курица, пирожные. За ужином, утолив немного голод, Лиза обратилась к Маше с вопросом:

– Ты знала, что Герман раньше был гримером?

– Да, конечно, знала! – Лицо Маши расплылось в нежной улыбке, как случалось почти всегда, когда она думала о Германе. – Он раньше в нашем театре работал. У него друг там был, вернее, он и сейчас там же работает декоратором, Максим Иванович Плужников. Вы могли его видеть, когда ждали меня... Мы с его женой делим гримерную, может, он тоже ждал ее... Так вот, это Макс заразил его мебелью, он сам дома мастерит, кое-чему и Геру тоже научил, да только потом ученик перерос учителя!

– А ты знала, что у Геры была жена?

– Да, он говорил. Но они прожили всего несколько месяцев.

– Как ее звали?

– Стелла! Очень красивое имя. Думаю, что и она тоже красивая. У Геры не могло быть некрасивой жены.

– Тогда, может, мы еще раз более внимательно просмот-

рим все его альбомы? – предложила Глафира. – Я уже была здесь и рассматривала фотографии, но я тогда не знала, что именно или кого искать...

Маша, которая поела как птичка и которая, видно было, сильно нервничает, принесла с книжной полки два больших альбома. Листая их, они нашли несколько снимков с изображением молодого Германа в обнимку с темноглазой блондинкой лет двадцати. На девушке была белая кружевная блузка. На обороте одной из фотографий имелась надпись: «Стелла и Герман, 1998 г., Поливановка».

– Да, красивая, – вздохнула Маша. – Очень!

– И блузка красивая, – проговорила Лиза задумчиво.

– Мне соседка Ирина сказала, что Герман был женат, – произнесла Глаша, с аппетитом поедая пирожное буше. – И сказала еще, что она его бросила, нашла кого-то побогаче.

– Не представляю, как это можно было вообще бросать Геру! Он такой красивый, умный, добрый, талантливый! – воскликнула Маша. – Только почему вас это так заинтересовало? Я же вижу... Думаете, это она на машине приехала из Москвы и теперь мстит ему за что-то?

– Вот скажи, Маша, зачем человеку долбить пол?

– Не знаю... Может, под полом какой-то клад?

Позвонила Юлия Земцова из Москвы. Лиза вышла на террасу, чтобы поговорить с ней.

– Я только что вышла от Жуковых, – говорила взволнован-

но Юля. – Там, у Костровых, я все узнала, но об этом позже. Значит, так. Слушай. Они действительно, Егор и Юрий, вместе работали в теплице в Квасниковке, потом Костров познакомился со Стеллой. Та была замужем за художником-гримером в театре.

– Да, мы уже это знаем.

– ... Любовь была настоящая, Костров словно с ума сошел. Они наметили дату свадьбы в центральном загсе, но самой свадьбы не состоялось. Костров неожиданно съехал с квартиры, которую они снимали с Егором. Хозяйка сказала, что он поселился в гостинице «Волга». Егор поехал туда, и ему сказали, что Костров только что съехал, что ему утром принесли билеты в Москву прямо в номер, что поезд в четыре, что Егор еще может успеть... Егор побежал на вокзал, ему удалось успеть увидеть друга. Тот был в ужасном состоянии, сказал, что Стелла передумала выходить за него, что она, оказывается, любит своего мужа-гримера. Юра уехал, а Егор через некоторое время отправился за ним, ну а дальше вы уже знаете...

– Юля, постой, пока ничего больше не говори. Мне кажется, что я все, все, слышишь, поняла... Я сейчас произнесу тебе только одно слово, хорошо? А ты скажешь, попала я в точку или нет...

– Ну, хорошо... – удивленным голосом произнесла Юля. – Слушаю тебя.

– «Роза»?

Образовалась пауза, после чего Земцова прошептала:

– Да, «Роза»... Но как ты догадалась?

– Так же, как и ты...

– Герман? Рада вас видеть в добром здравии! – поприветствовала его Лиза. Она вошла в унылую комнату для свиданий, стены которой были выкрашены в темно-синий цвет, в розовом воздушном платье, словно олицетворяя собой саму весну и надежду.

– Я уж думал, что вы забыли меня... Целая неделя прошла! – невольно вырвалось у Германа.

– Ничего, потерпите еще немного, думаю, что вам здесь страдать осталось совсем недолго. Однако я принесла вам, как и обещала, кое-что из продуктов.

Она положила пакет на стол.

– Здесь колбаса, черный хлеб, чай, сахар... И пирог от Машеньки.

– Да-да, спасибо. Мне уже три раза доставляли посылки от вас!

Герман выглядел ужасно. Он похудел, лицо его осунулось, под глазами залегли темные круги. Черная щетина сделала его старше лет на пятнадцать!

– Уныние – страшный грех! – улыбнулась Лиза, с нежностью рассматривая его. За последние несколько дней она узнала о нем так много нового, вызывающего уважение и даже восхищение, что позволило ей взглянуть на него именно так, а не иначе. Художник с золотыми руками и добрым, лю-

бющим сердцем, вот кем был для нее Герман Петров! – Что же это вы не сказали мне, что были раньше гримером?

– Ах, это... Да, был. И мне, признаться, нравилась эта работа. Говорят, что у меня неплохо даже получалось... Думаю, что будь у меня две как бы параллельные жизни, работал бы одновременно и гримером, и краснодеревщиком...

– Стелла влюбилась в вас, когда вы работали в театре?

– Стелла? – Брови его удивленно взлетели вверх. – Что это вы о ней вспомнили? Да, она приходила в театр, к своей подруге, которая играла у нас в массовках... Мы встретились в фойе, точнее в буфете театра, она была очень красивая и нежная, я угостил ее чашкой кофе, ну и закрутилось...

– Расскажите, как вы расстались?

– Мы прожили несколько месяцев, после чего она вдруг переменялась ко мне, стала раздражительна, а потом и вовсе перешла жить и спать в другую комнату... И я понял, что у нее есть другой. Ну а потом она сама мне обо всем рассказала. Молодой человек, у них любовь, он собирается жениться на ней и увезти с собой в Москву. Может, он был богатый, перспективный, я не знаю...

– Вы дали ей развод?

– Сразу. Она сама нашла знакомых, которые помогли с быстрым разводом. Вернее, мы подали на развод, но решение суда должно было быть готово примерно через неделю, я обещал Стелле выслать его... Они так спешили с отъездом.

– И что потом? Она сразу уехала от вас?

– Нет-нет... Мы решили с ней развестись цивилизованно, ну, это она так выражалась. Другими словами, она попросила меня, «как друга», чтобы она до отъезда в Москву какое-то время еще пожила в моем доме.

– Она не претендовала на ваш дом? Имущество?

– Слава богу, нет... К тому же у нее же была своя квартира возле вокзала, доставшаяся ей от бабушки. Возможно, она планировала ее продать, чтобы купить какое-нибудь скромное жилище в Москве. Хотя, может, ей это и не потребовалось бы, может, у ее жениха уже была там квартира...

– Сколько дней она прожила у вас после того, как вы подали на развод?

– Два дня. Она объявила мне день отъезда и попросила меня в этот день не появляться до вечера, чтобы она могла спокойно уйти. Думаю, ей было просто стыдно передо мной.

– И что? Вы пошли ей навстречу?

– Да. Я утром как уехал в театр, так до вечера и не возвращался. Примерно с трех часов дня и до самой ночи мы с моим другом, Максом, декоратором, пили неподалеку от театра, в одном баре... А когда я вернулся домой, в Поливановку, часов в десять вечера, ее уже не было.

– Вас ничего не насторожило?

– Нет. Правда, дом оказался не заперт, как мы договаривались. Она должна была его запереть и оставить ключи в условленном месте.

– Как выглядел дом после ее отъезда?

– О нет, она ничего не взяла лишнего, если вы это имеете в виду. Она даже часть своих вещей оставила. Вероятно, в надежде, что ей купят новые...

– Вы были сильно расстроены?

– Да я, честно говоря, был раздавлен. Убит.

– Скажите, Герман, Стелла рассказывала вам когда-нибудь о балерине императорского театра Матильде Кшесинской?

– Да, рассказывала... Какая-то из ее бабушек или прабабушек по материнской линии родом из Кисловодска, в тысяча девятьсот восемнадцатом году работала не то горничной, не то кухаркой у балерины Кшесинской, которая сбежала туда из Петербурга... В то трудное военное время их, живущих на даче, просто замучили обысками, искали драгоценности, деньги... Кшесинская прятала деньги где-то высоко, между окнами, а драгоценности – в полый ножке кровати, на ниточке... Не знаю, где уж здесь правда, но вроде бы эта Кшесинская подарила этой прабабке Стеллы одну брошку, скромную такую с виду, хотя, может, она и украла ее, время-то было какое! Спасайся кто может!

– Вот эту? – Лиза достала фотографию, на которой была изображена Стелла в белой кружевной блузке и с наколотой на груди брошкой в виде маленькой серебряной розочки.

– Да, именно эту брошку она часто прикалывала. А почему вас это так заинтересовало?

– Дело в том, Герман, что Стелла исчезла. Ее жених, Юрий

Костров, в тот день, когда вы пили с вашим другом в баре, укатил в Москву один, без Стеллы. Вы же, вернувшись домой, ее тоже не застали.

– Как это – один? А где же Стелла?

– А так! На днях Кострова задержали здесь, у нас... Он проживал в гостинице «Европа»... У меня есть его снимок на телефоне, не хотите взглянуть?

– Ничего не понимаю...

Герман посмотрел на телефонный снимок и присвистнул.

– Я знаю его, он приезжал в Поливановку, заходил ко мне, интересовался, не продаю ли я свой дом.

– Что же вы раньше его не вспомнили, когда я спрашивала, не происходило ли в вашей жизни чего-нибудь особенного...

– Да я не придавал этому никакого значения! И что с этим Костровым?

– Его допросили. В тот день, пятнадцать лет тому назад, он действительно приехал за своей невестой, Стеллой. И она, увидев в окно такси, обрадовалась и с чемоданом бросилась к лестнице... Ее спальня ведь была на втором этаже?

– Да, это правда, она сама туда перешла. И что? Неужели...

– Да, она кубарем скатилась с лестницы и разбилась. На смерть. И когда Костров вошел в дом, то он увидел свою Стеллу внизу, на плиточном полу в луже крови. Она уже не дышала. Понимая, что дело принимает серьезный оборот и

что это происшествие может спутать все его планы и сорвать поездку в Москву, он спрятал труп Стеллы вместе с чемоданом в ваш погреб, Герман.

– Что-о-о???

– Вы когда-нибудь пользовались погребом?

– Нет! Я и в сарае-то редко бывал, мне просто нечего было там делать... Я тогда болел театром...

– А потом?

– Потом я взял кредит, сломал сарай и построил на его месте мастерскую! Что же это получается... Я сам, собственными руками залил бетоном полы, под которыми где-то глубоко под землей лежало тело Стеллы?! Это невероятно!

– Вы не искали Стеллу по понятным причинам. Костров вообще постарался поскорее забыть эту историю. Бабки в живых уже не было. Знакомые Стеллы были уверены, что она укатила в Москву и сама разорвала все дружеские связи, ведь она никому больше не звонила. Не сообщала свои координаты. Вот так она и пропала, и никто ее не искал!

– Но как вся эта история связана со смертью моей Танечки?

– А она здесь вообще ни при чем! Просто в один прекрасный день, путешествуя по просторам Интернета в поисках названия для нового сорта роз, селекцией которых занимается один его приятель, Костров наткнулся на сорт розы, названной в честь другой балерины, Анны Павловой. Он заинтересовался этим и спросил у своей жены, не знает ли она

какую-нибудь известную балерину...

– И она назвала имя – Матильда Кшесинская!

– Именно! Он стал искать в Интернете информацию о ней и вышел на сайт с фотографиями драгоценностей, которые дарили ей ее любовники – Николай, его брат, другие поклонники из царской семьи... Вот в числе этих драгоценностей и была та самая розочка, но только не серебряная, а выполненная из платины и усыпанная брильянтами!

– Та самая розочка, которую носила Стелла? Кто бы мог подумать?!

– В статье о драгоценностях было написано, что брошка была потеряна или же ее украл кто-то из obsługi балерины во время ее бегства из России. Возможно, Стелла рассказывала ему эту историю со своей прабабкой... И, сопоставив все факты, Костров понял, что сам похоронил эту драгоценность, стоимость которой... Словом, она стоит сейчас баснословных денег! Он решил вернуться сюда, в наш город, чтобы выяснить, нашли ли тело Стеллы... Он рылся во всех местных библиотеках, искал в подшивках газет того времени хотя бы какую-нибудь информацию о Стелле и выяснил, что ее тело не нашли. Вот тогда он решил купить ваш дом, чтобы спокойно вскрыть полы мастерской и извлечь на свет божий эту розочку и закопать тело Стеллы в каком-нибудь другом месте. Но вы сказали ему, что не собираетесь продавать дом. И тогда он решил, что вам надо исчезнуть... Он должен был расчистить себе путь! Но как это сделать? Он заглянул на

чашку чая к вашей домработнице, отравил ее и подсунул ее тело в ваш новый диван... Затем за бутылку водки попросил одну местную пьянчужку позвонить в полицию и сказать, что в вашей мастерской лежит тело женщины... Тело нашли, вас обвинили в убийстве Танечки...

– Он что же, надеялся, что меня посадят? Вот так, ни в чем не разобравшись?

– Дело не в том, посадят вас или нет, но какое-то время, пока идет следствие, а это не день и не два, вас в доме не будет... Уже в первую же ночь он, сгорая от нетерпения, приехал к вам и попытался вскрыть пол в мастерской, чтобы определить, насколько толстый слой бетона, какие силы и средства понадобятся для того, чтобы проникнуть в погреб... Будь он поумнее, потерпеливее, может, у него все и получилось бы...

– И что?

– Вчера я сама присутствовала при вскрытии пола в вашей мастерской...

Герман схватился за голову.

– Действительно, в погребе были обнаружены скелетированные останки женщины...

– А эту штуку, брошку... Ее тоже нашли?

– Нашли. Костров во всем признался, его арестовали, так что, думаю, уже сегодня, через несколько часов, вас выпустят...

– А это? Колбаса, чай...

– Соседи по камере устроят банкет по случаю вашего освобождения! – рассмеялась Лиза.

По щекам Германа покатились слезы.

– Какой вы, право, чувствительный!

Лиза встала и пожала ему руку:

– Вы теперь подарите мне какой-нибудь резной комод, а? Шучу!!!

Маша встречала его у крыльца следственного изолятора с букетом сирени. Увидев, как открывается дверь и выходит ее любимый, она бросилась ему навстречу:

– Герман, дорогой! Боже, как же ты похудел!!! Но все равно красивый, прекрасный, я думала, что с ума сойду, пока дождусь тебя!!!

Герман обнял ее, поцеловал. Почувствовал укол в грудь, отпрянул. К блузке Маши была приколота брошка в виде розы.

– А это как у тебя? – нахмурился он.

– А так! – глаза ее сияли. – Честно говоря, она принадлежит тебе!

– Как это? Почему?

– Когда твоя Стелла погибла, она еще была твоей женой, развода-то не было, ну, то есть решения суда... И ты, получается, ее единственный наследник! Но если хочешь, я могу ее снять!

– Нет-нет, что ты...

Он снова обнял ее вместе с букетом и, целуя лицо, поцеловал и душистые цветки сирени.

– Как во сне, честное слово...

– Герман, мы все забудем, все-все! Дыши полной грудью,

посмотри, какой сегодня солнечный день, как тепло!!!

– Весна... Как же хочется жить, Машенька!

– Пойдем, пойдем, нас такси ждет!

Маша подхватила Германа под руку и повела к машине.

– Сейчас поедем к Лизе и Глафире... И знаешь, что я им скажу?

– Приблизительно...

– Скажу им: спасибо, что вернули весну! И солнце! И тебя!!! – Маша глубоко вдохнула и прижала к лицу букет сирени.

Дарья Донцова

Подарок для бабушки

– Когда начинаешь выбрасывать ненужный хлам, главное – не начать его рассматривать.

Я посмотрел на симпатичную, модно одетую даму, сидящую около меня, и невольно улыбнулся. Женщина, только что пробормотавшая себе под нос фразу про мусор, похоже, почувствовала, что я усмехнулся, быстро повернула голову и кокетливо произнесла:

– Всегда потешалась над своим папой, который, выйдя на пенсию, начал разговаривать сам с собой, а теперь вот – обзавелась такой же привычкой. Копаюсь в сумке, вынимаю всякую ерунду и бубню себе под нос. Наверное, старею!

– Вам до возраста рантье еще далеко. Вы, похоже, студентка, – галантно ответил я и удивился.

Сколько всего таскает при себе прекрасный пол! Сейчас вижу на свободном соседнем стуле пудреницу, три расчески, гору фантиков, белый бумажный пакет с чем-то внутри, блокнот, диктофон, два журнала, косметичку...

– Увы, нет, давно получила диплом. Иногда думаю, что неправильно выбрала профессию: очереди в бюро пропусков просто убивают. Если сложить вместе часы, проведенные тут, то получится целая жизнь, которую можно потратить на

приятные занятия, – сказала незнакомка.

– Да уж, – вздохнул я.

– А на улице солнышко светит, птички поют, деревья распустились, – продолжала симпатичная соседка. – Весна в разгаре. Ну, раз нам все равно здесь долго куковать, давайте познакомимся.

Я окинул быстрым взглядом говорившую. По виду ей лет тридцать пять, одета в дорогой, красивый серо-голубой твидовый костюм от очень известного бренда и, похоже, совсем недавно вышла из салона красоты, где ей просто и красиво уложили волосы. Жизнь с Николеттой научила Ивана Павловича чуть ли не с пеленок понимать, какой марки платье, надетое на человека, что за туфли он носит и даже к какому парикмахеру ходит. Милая девушка категорически не понравилась бы моей маменьке, потому что она молода, хороша собой, держит в руке отнюдь не копеечную сумку и замечательно пахнет тонкими духами. Этакая райская птичка, невесть какими судьбами занесенная в узкое, тесное, малоуютное помещение, где выписывают пропуска тем, кто по долгу службы желает войти в один из самых крупных московских следственных изоляторов.

– Маша, – улыбнулась соседка.

– Ваня, – в тон ей ответил я.

– Смешно, – захихикала женщина, – прямо русская народная сказка!

– Только Бабы-яги не хватает, – подхватил я.

Маша показала изящной рукой на начало очереди.

– Она там, сидит за окошком и очень медленно выписывает пропуска.

Я решил защитить незнакомую служащую изолятора.

– Дежурная не виновата. К сожалению, здесь не хватает специальных комнат, где арестанты встречаются с адвокатами и следователями. Мы ждем, пока кто-нибудь закончит беседу и освободит место для следующего.

Маша чуть приподняла красиво изогнутые брови.

– Арестанты? Интересное слово. Я сначала решила, что вы адвокат.

– Отчего пришли к подобному мнению? – продолжил я ничего не значащую беседу.

Маша начала накручивать прядь блестящих волос на палец.

– Использовала любимый метод дедукции Шерлока Холмса. Кто мается тут? Только сотрудники МВД, прокуратуры и юристы, для родственников последствий иная очередь. У служивого народа зарплаты не ах, на вас костюм и ботинки, которые никто из полицейских себе позволить не может, а вот адвокаты получают прекрасные гонорары. Но слово «арестант» какое-то старомодное, из прошлого века. Похоже, вы... Э... писатель, который решил написать роман, рассказывающий о жизни в СИЗО, кто-то из местного начальства пригласил литератора для ознакомительной экскурсии. Я права?

Ответить мне не удалось – из роскошной сумки новой знакомой раздался пронзительно-громкий звонок. Маша вытащила дорогой телефон и слегка нахмурилась.

– Привет. Ты уверена? Точно? Ошибиться никак нельзя. Ну что можно сказать, лучше поздно выяснить правду, чем никогда. Нет. Да. Сейчас подумаю, как поступить. А когда я сдавалась? Не дергайся, все заканчивается, пройдет и это. Извини, сейчас не время обсуждать его поведение. Вечером непременно звякну, давай не падай духом.

Маша вернула трубку на место.

– Подруга звонила. Недавно гуляли на ее свадьбе, два месяца всего прошло после праздника. А теперь один добрый человек поделился с новобрачной замечательной информацией: ее молодой муж давно имеет связь на стороне, там ребенку семь лет. Моя подруженица дочь ну очень богатого человека, добрый папа нищего зятя на работу в одну из своих фирм пристроил, в квартиру хорошую парень въехал, на отличную машину пересел, платиновыми кредитками обзавелся. А ведь говорила я ей: «Не несись стремглав в загс». Но нет же! Боялась подружка, что ее сокровище другую найдет. О господи! Да на этом Петре, как на билборде, громадными буквами значилось: «Я приехал в столицу из места, где на вокзале даже электрички не останавливаются! Хочу денег!» Подобные личности никогда не бросят любимую доченьку папы, который ворочает миллиардами. Ваня, у меня к вам просьба: я мечтаю выбежать на улицу, купить булочку, звер-

ски проголодалась. Если вдруг фамилию Голубева выкрикнут, подойдите к окошку, скажите: «Она будет через пять минут». Вот, держите.

Маша порылась в сумке, вытащила кошелек из крокодиловой кожи, выудила оттуда тысячную купюру и протянула мне.

Я не взял ассигнацию.

– Слишком щедрая плата за пустяковую услугу, обычно за такую сумму я подвожу старушек до дома и доношу им до двери пакеты с покупками.

Маша округлила глаза, потом засмеялась.

– О нет! Ваня, мне бы никогда не пришло в голову предложить вам, человеку моего круга, деньги. Тысяча – для гарпии в окошке, получив ее, монстр в форме подождет, пока я прибегу назад, не отдаст мой жетон на вход другому.

– То есть мне, – улыбнулся я. – Стою за вами.

Маша прикрыла рот узкой ладошкой.

– Ой! И правда! Если я не успею вернуться, вы можете занять кабинет и не сидеть тут до посинения.

– Бегите за выпечкой, – остановил я Марию, – деньги спрячьте, сумею договориться с дежурной.

– Вы такой милый, спасибо, – поблагодарила Маша и умчалась.

Я вынул из сумки книгу, хотел погрузиться в чтение, но был остановлен звонком – на сей раз нервничал мой телефон.

– Как ты там? – быстро спросил Макс.

– Сижу, – ответил я.

– Постараюсь побыстрее приехать, – пообещал друг.

– Можешь пока не спешить, – милостиво разрешил я. –

Я устроился тут с комфортом. И у меня милая соседка по имени Маша. У нас с ней вроде приятельство налаживается: она побежала перекусить, я ее очередь караулю.

– Супер, – заржал Воронов, – вот поженитесь, родятся дети, спросят они: «Папа-мама, где вы познакомились?» – придется отвечать: «Мы очутились в очереди на посещение в следственный изолятор». Догадался взять у симпатяшки телефон?

– Нет, – после небольшой паузы признался я.

– Почему?

– Ну... как-то не подумал об этом, – пробормотал я.

– Иван, ты дурак, – отрезал Макс. – Начинай действовать, у тебя на лице написано: порядочен, не женат, с хорошими деньгами, владелец частного сыскного агентства, живет в роскошной квартире. Такому ни одна девица не откажет!

– Угу, – пробормотал я, – спасибо за моральную поддержку.

– Воронов, – раздался на заднем плане чужой голос, – тебя к Феоктистову вызывают.

Макс, забыв попрощаться, повесил трубку. Я вновь раскрыл книгу, но читать расхотелось. Следовательно Макс Воронов – мой лучший и единственный друг, с остальными я про-

сто приятельствую, а с ним могу обсудить любые проблемы. Вчера Максим заехал ко мне поздно вечером, мы засиделись за полночь, и он остался ночевать. Сегодня утром, когда Воронов, тихо ругаясь сквозь зубы, брился одноразовым станком, ему позвонил начальник и велел ровно в десять явиться на ковер. Воронов попытался объяснить шефу, что у него запланирована встреча в СИЗО с неким Павлом Зуевым, который был уже осужден за несколько жестоких убийств и мотал срок в колонии строгого режима.

Зона со строгими порядками отнюдь не курорт, у многих заключенных от пребывания в местах не столь отдаленных меняется характер. Одни ожесточаются, другие начинают испытывать раскаянье, с Павлом же и вовсе случилось сказочное перевоплощение. Спустя три года после приезда в колонию он во время работы в мастерской получил удар по голове. Специально бить Зуева никто не хотел. Павел, низко наклонившись, осматривал какой-то механизм, и на него со стола упала тяжелая болванка, угодила прямо по затылку. Это был несчастный случай. Мужчина потерял сознание, его уложили в местную больничку, которой руководил фельдшер, мало что понимавший в черепно-мозговых травмах. Зуев некоторое время провел без сознания, потом очнулся и понес чепуху про какую-то женщину, которая приходила в лазарет и воткнула ему между бровями фонарик. Когда Паша поворачивает голову, из его лба бьет пучок света, и заключенный видит то, что должно случиться с людьми

в будущем, или узнаёт их прошлое.

Послушав бред, который нес больной, фельдшер пошел к Виктору Сергеевичу, начальнику зоны, и сказал:

– Зуева надо везти в районную больницу, парень не в себе.

Полковник мрачно глянул на медика.

– Ты тут всего год, а я всю жизнь служу, хорошо знаю: хитрее контингента никого нет. Зуев что-то задумал, вот и прикидывается психом. Физически он как?

– Здоров, – вынес вердикт лекарь, – но я бы рекомендовал его из мастерских на легкий труд перевести, пусть в кухне несколько недель постоит.

– Во! – подвел итог хозяин колонии. – Небось этого он и добивался, замыслил у котлов с едой потусоваться. Тут такие артисты в бараках – закачаешься! Раскусил я его: к харчам Зуева не подпущу, пусть в библиотеке посидит, газеты разберет, журналы, каталог книг сделает, у него высшее образование, сумеет Толстого от Достоевского отличить. Ишь ты, фонарик в башке! Во додумался!

Павел пару месяцев копался в местном книгохранилище, про свет между бровями он более не заговаривал, а по зоне тем временем поползли разговоры, что Зуев может лечить руками, снимает головную и зубную боль, убирает бессонницу. А еще он видит твое прошлое и будущее. Когда слух дополз до Виктора Сергеевича, тот разозлился, вызвал «экстрасенса» к себе и велел ему:

– Прекращай шаманствовать, иначе угодишь в БУР¹.

– Я ничего плохого не делаю, – смиренно ответил Павел, – если человеку нехорошо, а я помочь могу, то как поступить? Мимо пройти, оставить его мучиться?

– Нашлась мать Тереза, – фыркнул начальник. – На моей зоне мракобесов не будет. Если кто заболел, нехай в лазарет шагает!

– Фельдшер у нас молодой, неопытный, а из лекарств у него анальгин с аспирином, – спокойно сказал Зуев. – Он Гену Никандрова из моего отряда не вылечил, у того с желудком чехарда творилась: что съест – все тут же наружу вылетает, а мой фонарик его беду убрал. Игорь Рябов волновался, что мать в больницу угодила, я его успокоил: вылечат женщину, она еще долго проживет.

Вот тут терпение Виктора Сергеевича лопнуло, он стукнул кулаком по столу и заорал:

– Посидишь взаперти на хлебе с водой и забудешь про лампу в башке, усек?

Зуев печально глянул на начальника.

– Если не видите свет, то это не значит, что мир погружен во мрак, вероятно, вы просто слепы. Вот у вас сейчас плохие отношения с женой, ссоритесь постоянно. Уступите супруге, подарок ей купите, букет, слова хорошие скажите, она и отгадет. Если по-прежнему на нее орать продолжите, развод случится, очень она на вас за невнимательность и вечное от-

¹ БУР – барак усиленного режима.

сутствие дома обижена.

Виктор Сергеевич на пару секунд опешил – Зуев ухитрился ткнуть мужчину в самое больное место. Три дня назад Анна Ивановна высказала своей второй половине массу претензий и прекратила общение с супругом. Мужу приходится ночевать на узком диване в гостиной, и он твердо решил сегодня вечером объяснить дуре-бабе, кто в доме хозяин, мысль о покупке скандалистке подарка ему в голову никогда прийти не могла.

Зуев тем временем показал на сопровождавшего его парня в форме.

– У вас есть коллега по имени Афанасий? Надо ему быть осторожным, потому что Аннушка уже масло пролила.

Никогда не читавший Булгакова хозяин зоны не понял, о чем ведет речь Павел, солдат тоже не сообразил, о каком таком масле толкует заключенный, а Зуев уточнил:

– Вижу какое-то нехорошее происшествие с ним вечером, ближе к ночи.

На следующий день по зоне на быстрых ногах пробежала новость: вчера Павел предупредил конвойного Афанасия о беде, тот, услышав от охранника речь Зуева, заржал, не принял слова всерьез, а около полуночи упал в подъезде своего дома, здорово расшиб лоб и очутился в больнице.

Виктор Сергеевич ощутил беспокойство, поговорил с заключенным Никандровым, узнал, что у Геннадия после нескольких разговоров с Павлом прошла боль в желудке, и

призадумался. Скандал с супругой у хозяина зоны превратился в затяжное мероприятие. Анна почему-то не испугалась, как обычно, криков мужа и пообещала подать на развод. Во вторник полковник, переступив через себя, купил золотые сережки, вручил их Анне, и личная жизнь мигом наладилась. Получалось, что Зуев оказался опять прав! Окончательно доконал начальника разговор с заместителем, который сказал:

– Виктор Сергеевич, Зуев стал иным человеком, глубоко раскаивается, хочет искупить свою вину. Я не одобряю экстрасенсов и прочих магов, но Павел ничего плохого не делает, он просто беседует с людьми, и им делается легче.

Через несколько месяцев к Зуеву из Москвы приехал адвокат, а потом Виктору Сергеевичу пришло распоряжение: срочно этапировать отбывающего наказание Зуева в Москву. Оказывается, осужденный убийца выразил желание помочь следователю, который занимался делом маньяка Григория Храпова, убившего семерых женщин, тот признался в совершенном, был отправлен к месту пожизненного заключения, но где закопал тела несчастных, не рассказал. Родственники так и не сумели похоронить бедняжек.

И вот сейчас Зуев сообщил своему адвокату, что он знает, где лежат трупы, готов рассказать, как их найти, но... беседовать он будет только в Москве и только с тем, кто возглавлял группу следователей по делу Храпова. А этим человеком являлся Максим Воронов.

Узнав о заявлении Зуева, Максимотреагировал жестко.

– Нечего мужчину туда-сюда катать, он нас обмануть решил. Храпов не из тех людей, которые сокамерникам правду докладывают. Маньяк не сознался, где тела, даже тогда, когда ему пообещали смягчение приговора, сказали: «Не получишь пожизненное, если скажешь, где останки». Но Храпов на сделку не пошел, ему доставляют удовольствие мучения людей. Никакой информации у Зуева нет и быть не может. Павел решил развлечься и о том, что ему за подобное поведение могут прибавить срок, не волнуется.

Через пару недель после отказа Воронова газета «Болтун» напечатала репортаж под названием «Цинизм или пофигизм?». В материале из всех сил ругали Максима, его начальство и всю полицию, вместе взятую, за бездушное отношение к родственникам убитых Храповым женщин, излагалась история Павла, предложившего свою помощь, и далее шла шокирующая, неизвестная Максус информация. Оказывается, Валерий Бузов, муж Галины, одной из жертв, получил от Зуева сообщение. Павел просил Валеру съездить в Калужскую область, в местечко Болотное, там имеются развалины большого монастыря и замка, который в восемнадцатом веке построил слегка спятивший от чтения рыцарских романов барин. Сейчас в Болотном царит запустение, туда давно никто не заглядывает. Павел сообщил Валерию, что труп его супруги спрятан где-то в подземельях бывших монашеских владений. Но, к сожалению, силы его «фонари-

ка» не хватает, чтобы точно понять, в каком месте. Чтобы найти могилу, Павлу необходимо приехать в Болотное, походить там. Сейчас он может указать лишь одно: Зуев, кажется, видит нечто вроде надгробия со скульптурой ангела. Если начать копать слева от памятника, то там можно найти какую-то вещь Галины.

Валерий позвонил Николаю Савельеву, родственнику еще одной убитой садистом несчастной. Мужчины схватили лопаты и ринулись по указанному адресу, где откопали тщательно завернутый пакет с... туфлями Гали. Бедные вдовцы были готовы сантиметр за сантиметром просеять всю землю вокруг монастыря, но территория, на которой находятся развалины, огромна. И Павел утверждал, что трупы покоятся где-то в необъятных подвалах здания.

Парни вернулись домой, и спустя сутки в Интернете появилось сообщение: «Нам нужен специальный аппарат, который способен видеть под землей, его можно купить, но денег у нас нет. Еще потребуются добровольцы, готовые копать землю и долбить камень. Полиции на нас плевать, а мы не можем жить, зная, что наши любимые зарыты как отбросы. Мы хотим похоронить их, иметь возможность приходить на могилы. Помогите нам, более обратиться не к кому». Под обращением подписались все родственники жертв. Сеть взорвалась от возмущения, думаю, не стоит сейчас цитировать тексты, которые строчили блогеры, в основном они состояли из нецензурной брани в адрес полиции и лично Максима.

Еще через сутки «Болтун» разразился репортажем, а на следующий день сразу два телеканала сделали шоу на животрепещущую тему. Скандал приобрел всероссийский размах.

Бедному Максу досталось на орехи от начальства; в колонию, где сидел Зуев, отправили приказ о доставке Павла в столицу. И сегодня Максиму предстоит побеседовать с заключенным. Вот только чтобы встретиться с Зуевым, следовательно предстояло просидеть в очереди кучу времени, у Воронова же свободных часов нет, на нем висит не одно дело. И я решил помочь лучшему другу. Макс утром застолбил место в хвосте, а я приехал и заменил его. Когда станет понятно, что сидеть осталось недолго, позвоню Воронову, и он примчится в СИЗО.

– Принесла и вам поесть, – весело воскликнул милый голосок.

Я оторвал взгляд от так и не прочитанной страницы. Передо мной, радостно улыбаясь, стояла Маша.

– Я подумала: вряд ли вы захотите плюшку с корицей, – продолжала она. – Мужчины редко любят сладкую сдобу, взяла вам пирожки с мясом. Сейчас только найду пакет.

Девушка начала копаться в своей необъятной сумке и выронила из нее темно-коричневый шарф. Я наклонился, поднял вещь и удивился: никогда бы не подумал, что элегантная молодая дама, наряженная в дорогие бренды, станет пользоваться подобной вещью – кашне отвратительного качества из скрипучей синтетики и имеет гадкий цвет.

– Ура! Нашла! – обрадовалась Маша, протягивая мне белый пакет. – Надеюсь, понравится. Народ прямо у ларька выпечку ел, никто замертво не упал, я специально посмотрела.

– Обнадеживающая информация, – улыбнулся я, беря кулек. – Сколько я вам должен? Вот ваш шарфик, он из сумки выпал.

– Ваня! – укоризненно произнесла Маша. – Когда я приобретала для вас перекус, рассчитывала на иную реакцию. Полагала, что симпатичный, неженатый мужчина решит отблагодарить Марусю за проявленную заботу и пригласит ее попить кофейку в свободное время! Я же вам понравилась?

– Верно, – кивнул я.

– Но Иван не тот человек, который начнет кланяться у девушки телефон, – хихикнула Маша. – Вот я и проявляю инициативу! Держите мою визитку. Ближайшая неделя забита делами, а со следующего вторника я в отпуске. Звоните, помните: за вами должок – я угостила Ваню пирожками. Теперь он, как интеллигентный человек, обязан позвать добрую самаритянку в кафе. Где шарф? Как бы мне его опять не выронить! Вечером бегу к бабушке на день рождения, купила ей шерстяную вещь в подарок.

– Голубева! – гаркнул голос из динамика.

– Ой! Меня! – засуетилась Маша, судорожно запихивая в сумку недоеденную булочку. – Иду, иду, уже несусь. Пока, Ваня!

Махнув мне изящной ручкой, Мария ринулась к окошку,

получила жестяной номерок, толкнула дверь и быстро вышла из бюро пропусков. Я встал, посмотрел в большое зарешеченное грязное окно, выходящее во внутренний дворик, и увидел Машу. Женщина шла по направлению к соседнему зданию, на секунду она остановилась, вытащила шарф из сумки, сделала резкое движение руками, потом бросила на асфальт что-то небольшое, белое, похожее на скомканную бумажку, и исчезла за железной дверью. Я остался у стеклопакета: на улице всюду бурлит весна, деревья оделись в зеленые платья, яркое солнце пробуждает радость в душе...

– Иван Павлович, о чем задумался? – прозвучало за спиной.

Я обернулся.

– Макс! Вовремя приехал, я как раз собирался тебе звонить.

– Спасибо, Ваня, выручил, – принялся благодарить Воронов. – Я у тебя в долгу.

Мы поболтали минут десять, потом я вышел на улицу и, наслаждаясь прекрасной весенней погодой, медленно пошел к метро. Путь лежал мимо мелких магазинчиков с дешевой ерундой. В Москве редко случаются погожие денечки, а у меня почти никогда нет времени на бездумный моцион по проспектам столицы. Сегодня сложились вместе две почти невероятные составляющие: в городе не жарко, не холодно, не дождливо, и, вот уж удивительно, в начале мая не идет снег, а у Ивана Павловича – никакой работы. Одно дело я за-

кончил вчера, за другое примусь завтра, поэтому волен распоряжаться временем как заблагорассудится и фланировать по проспектам, словно беззаботный бонвиван.

Я бездумно уставился на витрину одной лавки, забитую дешевыми тряпками, и вдруг увидел темно-коричневый шарф, точь-в-точь такой, как тот, что выпал из сумки Маши. Сам не зная почему, я вошел в крохотное помещение и спросил у продавщицы:

– Можно посмотреть на кашне?

– Хорошая вещь, – незамедлительно начала нахваливать товар баба. – Не скрою, китайская, но не на коленке сделана – на фабрике. Износу палантину не будет, вот, глядите, на ценнике написано: стопроцентная шерсть. Кашемир. Знаете, кто такой кашемир? Особая овца, живет только в Индии. Цвет самый модный, унисекс, подойдет и для вас, и для женщины, а для пожилого человека – просто находка! Если в подарок берете, бесплатно упакую красиво, с бантиком! Всего пятьсот рублей заплатите, а получите шикарную шальку. Берете?

– Вон те, розовые, серо-голубые, ярко-фиолетовые – поинтереснее, – закапризничал я.

Торговка закивала.

– Цвет ярче, но размер маленький, шестьдесят на сорок, а у коричневого аж два метра тридцать длина. Берете? Я вам двадцать рубликов скину. Четыреста восемьдесят за супершмотку.

– Еще подумаю, – пробормотал я, выходя из лавчонки.

Да уж, похоже, Маша сильно любит свою бабушку, если решила сделать старушке столь «дорогой» и «качественный» презент!

Вновь очутившись на улице, я вдруг вспомнил про пакетик с пирожками, который положил в портфель, и решил выбросить еду. Уж простите, но перекусывать сомнительного вида выпечкой я никогда не стану, а девушка явно купила еду неподалеку от метро.

Я огляделся по сторонам и двинулся в сторону входа в подземку. Кто-нибудь мне объяснит, почему в Москве начисто исчезли урны? Вроде их убрали из соображений безопасности – в них можно положить бомбу. Но ведь легко заминировать и автомобиль, а машины преспокойно паркуются в разных местах Москвы. Конечно, можно швырнуть кулек прямо на тротуар, но меня с детства приучили никогда так не поступать.

Я дошел до небольшой площади, увидел вагончик с надписью «Объединение», заметил около него пластиковый бак, обрадовался, достал белый пакет и тут же уронил его. Бумага разорвалась, содержимое вывалилось наружу. Я быстро нагнулся. Экий ты, Иван Павлович, растяпа, теперь живо собирай безобразие! Пирожки, между прочим, выглядят прекрасно, и они кажутся знакомыми. Этот край, завернутый косичкой, небольшое углубление посередине в виде сердечка... Где я видел раньше изделия? Пальцы подобрали пакет и узкий чек, я глянул на кассовый документ. Два пирога и

булочка с корицей стоили более тысячи рублей?! Ну и цены в забегаловке! Почти как в «Рок», любимом ресторане Николетты: маменька обожает тамошние пирожные, да и от пирогов из пафосной точки она не отказывается. Николетта способна съесть пять штук... Минуточку! Это же и есть печеные изделия из «Рок», ну да, вот и на чеке сверху написано название! Но данное заведение расположено далеко от того района, где я сейчас нахожусь. Маша никак не могла успеть добраться в этот ресторан и вернуться назад – она отсутствовала от силы минут десять!

Я, все больше недоумевая, пошел к парковке, где оставил свою машину. Когда я обратил внимание на соседку по очереди? Мы с ней сидели рядом, ждали, пока дежурная выкрикнет наши фамилии, девушка начала копаться в сумке, выкладывать на соседний свободный стул кучу барахла: расческу, пудреницу, блокнот, диктофон, белый пакет... Стоп! Белый пакет! Он же лежал у Маши в необъятном ридикюле! Что за цирк? Зачем убегать за булочкой, если она уже у тебя есть?

Я сел в автомобиль и завел мотор. Имеется лишь одно объяснение происходящему: Иван Павлович понравился Марии. Поверьте, я далек от того, чтобы считать себя Аполлоном и покорителем всех женских сердец, но интерес Машин господину Подушкину был замечен невооруженным взглядом. Она первая завела со мной разговор, потом побежала за едой, принесла пирожки и сказала: «А теперь в знак

благодарности вы должны позвать меня в кафе».

Вот ради последней фразы и затевался спектакль! Я усмехнулся и вынул из кармана пиджака полученную от девушки визитку. «Мария Голубева. Психолог». Лаконично. Странно, но Ивану Павловичу почему-то расхотелось продолжать знакомство.

* * *

Около десяти вечера ко мне в квартиру ворвался Макс и с порога осведомился:

– Пожрать чего дашь?

Я вытащил из холодильника лоток из фольги, сунул его в СВЧ-печку и спросил:

– Почему ты такой взбудораженный?

– Сегодня беседовал с Зуевым, – после короткой паузы ответил друг, – дело принимает нестандартный оборот. Знаешь, я отрицательно отношусь к колдунам, провидцам и прочим, навидался я родственников, которым ясновидящие обещали точно показать место, где находится их пропавший любимый человек, причем живой. Конец у всех историй один: мы находим труп, а господа экстрасенсы, выманив у семьи немалые деньги, сливаются. Впрочем, еще хуже, если тело найти не удастся, тогда мошенники годами водят людей за нос. Кстати, Валерий Бузов и Николай Савельев неоднократно обращались к тем, кто объявил себя экстра-

сенсами, но, как ты догадываешься, впустую. Но Зуев... Во-первых, он указал место, где закопаны туфли, а во-вторых...

Макс пожал плечами.

– Не знаю, что и думать, но Павел сегодня сказал мне: «Я хорошо вижу тело Галины, у нее темно-каштановые волосы, одета в бордовое платье, черное белье, колготки телесные». Он очень точно описал ее внешность.

– Почему ты удивляешься? – остановил я Воронова. – Наверняка, когда арестовали Храпова, газеты принялись взахлеб писать о маньяке и рассказывали о его жертвах. Это не секретная информация. Зуев мог прочитать публикации.

– Верно, – согласился Макс, – но ты не дослушал. Павел сообщил одну весьма интимную деталь, о которой муж Галины не поставил никого в известность. О ней не знали ни родители, ни подруги, вообще ни один человек, кроме Гали и Валерия. Бузов об этой подробности не сказал даже тем, кто вел следствие по делу Храпова, он дал нам фото жены, назвал родинки, скрытые под одеждой, но то, что у нее на гениталиях есть шрам, промолчал. Видел бы ты его лицо, когда я спросил:

– Имеется ли на теле вашей жены рубец в форме буквы «М»?

Он чуть сознание не потерял, а потом пролепетал:

– Да. Мы с Галей... ну в общем... купили в секс-магазине игрушку... Понимаете? Она оказалась некачественной, в самый интересный момент сломалась, поранила супругу.

Я возмутился: почему он раньше про примету молчал? Валерий пробормотал:

– Как-то неудобно, о подобном не рассказывают.

Возникает вопрос: откуда Зуев узнал правду?

– Да, – протянул я, – интересно. Он назвал место на трупе, где расположена сия буква? Точно описал отметину? Сообщил, какая она: большая, маленькая?

Макс сделал отрицательный жест головой.

– Нет. Объяснил, что плохо различает тело. Ему трудно сосредоточиться в камере, необходимо выехать в Болотное. Он видит «М», но где оно расположено – не понимает. До меня к Зуеву приходила психолог, она его утомила. Павел не смог со мной долго разговаривать.

– Зачем душевед прибежал? – удивился я.

– Адвокат потребовала, – вздохнул Макс, – дескать, она нам не доверяет, хочет, чтобы ее подопечного обследовала специалист, которая работает с экстрасенсами и им подобными, психологиня из какого-то НИИ, где изучают шаманов. Между прочим, сия Мария Петровна – частый гость в СИЗО, она еще занимается психологией заключенных, ее просят помочь, когда у кого-то проблемы случаются. Знаешь, почему в последнее время в нашей системе психологи расплодились? У одного высокого, недавно назначенного, нашего начальника, не станем его имя все поминать, жена в вузе душекопателей учит. Вот она своих в СИЗО и пристраивает, материал они там для диссертаций собирают. Эта Мария

Петровна – ее любимая аспирантка.

– Фамилия специалиста случайно не Голубева? – напрягся я.

– Откуда знаешь? – удивился Макс.

– Мы сидели рядом в очереди, это та самая милая девушка, о которой тебе сказал по телефону, – протянул я. – А раньше Зуев букву упоминал?

– Нет, – уточнил Макс, – сказал, что по приезде в Москву стал лучше видеть убитую. Похоже, мне придется везти его в Болотное. Вот будет номер, если он действительно на могилу укажет!

– А что Павел хочет за свою помощь родственникам? – заинтересовался я. – Наверное, выйти пораньше на свободу?

– Не угадал, – вздохнул Воронов, – ему вообще ничего не надо. Говорит: «Испытываю жалость к мужьям и родителям убитых, желаю использовать полученный внезапно дар во благо людям. Бесплатно».

– Ангел с крыльями, – пробормотал я. – Полагаю, кто-то ему подсказал про шрам.

Макс открыл ноутбук.

– Зуев ни с кем, кроме своего адвоката Елены Князевой, не общался. Кстати, юрист – единственный человек, который ему писала на зону и приезжала на свидания.

– Думаешь, их связывают особые отношения? – насторожился я.

– Не похоже, – возразил Макс. – В переписке ничего лич-

ного. Общались исключительно на темы его проблем, связанных с заключением, и досрочного освобождения. Из того, что хоть как-то намекает на неформальные отношения, – привоз Князевой заключенному шоколадки и пачки сигарет. Вообще-то подобное запрещено, но на такое нарушение сквозь пальцы смотрят, все законники своих клиентов во время свиданий подкармливают.

– Не верю я в людей, способных видеть под землей, – отрезал я. – Кто-то ему сумел передать сообщение о шраме.

– Невозможно, – вздохнул Воронов. – Я просмотрел все видеозаписи их бесед с Князевой. Исключительно рабочие моменты, ну, разве что она у него спрашивала, какая одежда нужна, лекарства. Но у Зуева близких родственников нет, посылок он не получает, в подобном случае защитники всегда спрашивают о медикаментах и шмотках.

– И адвокатесса ему привозила необходимое? – сделал я стойку.

– Нет, – безнадежно произнес Макс.

– Уверен: ему сообщили про монастырь и про то, где зарыты туфли, – не сдавался я. – Ты не думал о продажной охране? Зуев был очень богат, похоже, не все его деньги конфискованы, часть где-то спрятана. Откуда у Павла адвокат?

– Дорогую юриста оплатила мать мужчины, она умерла вскоре после суда над сыном, – пояснил друг.

– Про обувь Галины мерзавец узнал еще на зоне, а про букву – в Москве, иначе бы он раньше о шраме заговорил, –

уперся я. – Кто к нему приходил до тебя? Защитник?

– Нет, ее пока не было, психолог с ним беседовала.

– Давай посмотрим видеозапись их беседы, – предложил я.

Макс пожал плечами.

– Нет проблем, сейчас включу, но ты там ничего не увидишь, я «кино» вдоль и поперек изучил. Голубева ему всякие тесты давала.

– Включай, – приказал я, – я в свое время начитался произведений классиков психологии, увлекался этой наукой, кое-что в голове осело.

Через двадцать минут я воскликнул:

– Стоп! Видишь?

– Что? – не понял Макс.

– Прокрути немного назад и внимательно слушай, – велел я.

Друг покорно нажал на мышку, из ноутбука понесся приятный голос Маши:

– Отлично. Теперь тест на ассоциации. Он очень простой: я называю существительное, допустим черт, а вам необходимо найти к нему логическую пару – ангел-дьявол. Понятно?

Зуев кивнул.

– Прекрасно, начали. Смерть.

– Рождение.

– Женщина.

– Мужчина.

- Овощ.
- Фрукт.
- Еда.
- Питье.
- Мертвец.
- Могила.
- Убийца.
- Жертва.
- Суд.
- Присяжные.
- Труп.
- Гроб.
- Цифра.
- Буква.

– Отлично! – воскликнула Маша. – Переходим к тесту на личностные оценки. Кстати, удовлетворите мое женское любопытство, почему не сделали себе татуировку? Не хотите быть как все заключенные?

– На зоне запрещено набивать тату, и мне не нравятся картинки на теле, – спокойно ответил Зуев. – Один раз разукрасишься – всю жизнь потом таким ходить, захочешь свести – след останется. Это не для меня.

– Да, – согласилась Маша, – вы совершенно правы.

– Стоп, – снова скомандовал я. – Прозвучало слово «татуировка».

– Но ведь не шрам, – возразил Макс.

– Верно, но послушай еще раз текст, в нем были существительные «женщина», «мертвец», «могила», «убийца», «жертва», «суд», «труп», а на слово «буква» Маша произнесла: «Отлично». А теперь внимательно глянь сюда, следи за ее руками.

Я быстро постучал пальцами по экрану.

– Ешкин кот! – подпрыгнул Воронов. – Мне б и в голову не пришло на это глянуть! Как ты догадался?

– Сейчас объясню, – пообещал я. – Да, слово «татуировка» – не «шрам». Маша хотела уточнить, понял ли ее Павел, и спросила про татушки. Зув дал ей понять: о'кей, он не дурак, и произнес: «Захочешь свести – след останется». След!!! Он сообразил, что имеется отметина на теле. А Голубева живо подтверждает: «Да, вы совершенно правы».

– Ну ты даешь! – выдохнул Макс.

* * *

Через две недели мы с Вороновым сидели в уютном маленьком кафе, компанию нам составляла Ольга, женщина лет тридцати пяти.

– Вы обещали нашей самой тиражной газете России интервью, – сказала она, уставившись на Макса.

– Задавайте вопросы, – кивнул друг, – я постараюсь на них подробно ответить.

– Отлично, – обрадовалась корреспондент и включила

диктофон. – Двадцать девятое мая, материал об убийце Зуеве, беседа со следователем Максимом Вороновым и...

Репортер выжидательно глянула на меня. Я быстро произнес:

– Не имею ни малейшего отношения к данному делу, являюсь другом интервьюируемого, просто тихо попою чай, пока вы общаетесь.

Оля откашлялась.

– Как вы догадались, что Зуев обманщик?

Максим усмехнулся.

– Давайте по порядку. Павел убил свою любовницу и ее подругу, представив дело как несчастный случай. Но обмануть полицию ему не удалось, за Зуевым начали следить, а спустя некоторое время арестовали и осудили. Преступник – очень богатый человек, его имущество было конфисковано. Но часть его предприятий, некоторые банковские счета, пара квартир, два загородных дома были оформлены на преданных ему людей, на мать и сестру. А их имущество забрать нельзя, они ничего плохого не совершали. Оно понятно, что все на самом деле принадлежит Павлу, но по документам Валентина и Ирина Зуевы – бизнесвумен с успешными проектами. Валентина Павловна умерла вскоре после суда над сыном, а Ирина приняла участие в популярном телешоу, посвященном ее брату-убийце, и прилюдно, на всю страну заявила:

– Зуев мне никто! Не желаю иметь ничего общего с убий-

цей!

И действительно, сестра ни разу не написала Павлу, не пришла к нему на свидание, не передала посылки. Женщина быстро ликвидировала бизнес, продала все, что можно, перевела деньги на зарубежные счета, купила дом на берегу океана и улетела жить на край карты, в маленькую тихую страну. И вот интересный штрих: Ирина помогла родственникам убитых братом женщин, она перевела им деньги, попыталась подобным образом искупить грех Павла.

– Очень благородно! – воскликнула Оля.

– На первый взгляд – да, – согласился Макс. – А вот на второй... Все сделанное Ириной имело лишь одну цель: убедить всех, что она навсегда разошлась с братом, отвести от себя подозрения и освободить Павла. Зуевой активно помогала адвокат Елена Князева, она нашла среди охраны зоны продажного человека и, говоря языком протокола, вступила с ним в преступный сговор. Мужчина начал тайком передавать письма Павлу, в них содержались очень точные инструкции.

Максим налил себе воды.

– Некоторое время назад один заключенный совершил побег из колонии на самолете, которым управляла его любовница, о нем даже сюжет по телевидению показали.

– Да, – закивала Оля, – мы писали об этом.

Воронов усмехнулся.

– Ирина Зуева оказалась еще более предприимчивой. Она

работала вместе с братом, а знаете, какой был бизнес у Павла? Он приобретал участки земли и строил на них загородные отели. За год до ареста Зуев хотел приобрести те самые развалины монастыря, он их внимательно изучил, но потом отказался от идеи. Так вот, оказывается, в подвале есть каменная плита, она открывается нажатием на определенное место. Механизм сделан и собран монахами на совесть, он прекрасно и, главное, очень быстро работает. Если преступника привезут в Болотное и вместе с ним пойдут по подземной галерее, то, дойдя до нужной точки, Зуев на глазах у ошеломленных сопровождающих провалится под землю. Плита за секунду вернется в исходное положение, открыть ее, не зная, как управлять камнем, невозможно. Любая древнее сооружение долго, да и спецтехники под руками не будет. А Павел пробежит тайным ходом, который монахи сделали, чтобы спастись от врагов, окажется довольно далеко от развалин, на выходе его будет ждать машина с паспортом на другое имя. Автомобиль доставит Зуева к специально нанятому самолету, и убийца улетит к Ирине.

– Фантастика! – выдохнула Ольга.

Максим пожал плечами.

– Ирина весьма изобретательна. Оставалось лишь каким-то образом вынудить нас привезти Павла в нужное место. И она решила использовать дело садиста-маньяка Храпова, о котором тогда писала вся пресса и гудело телевидение. Дальше просто. Павел ударяется головой, симулиру-

ет черепно-мозговую травму, прикидывается после «выздоровления» экстрасенсом. Некоторые люди крайне внушаемы, среди соседей Зуева по бараку находится Геннадий, у которого в результате бесед с Павлом проходят спазматические боли в желудке. Затем «предсказатель» удивляет начальника зоны рассказом о его сложной личной жизни. Вам же понятно, что о неполадках в семье полковника известно его подчиненным, в том числе и тому, кто помогает устроить побег. Сбываются и слова Павла насчет неприятности, грозящей охраннику Афанасию. В темном подъезде, где живет парень, натягивается леска, дальнейшее ясно. Теперь про туфли. Муж Галины активно искал тело убитой жены, он неоднократно выкладывал фото супруги в Интернет, в подробностях описывал одежду, в частности – обувь, указал ее марку, цвет, более того, он выложил снимок, который ему жена прислала на телефон из магазина, когда сомневалась, какую ей пару брать. Шпильки бедняга приобрела за день до смерти. Вам понятно, Оля? Лодочки практически новые, характерных следов от ношения на них пока нет.

– Да, – кивнула журналистка. – Адвокат купила точь-в-точь такие и зарыла их в нужном месте.

– Умница, – похвалил Макс корреспондента. – Валерий мигом опознал туфельки и поднял шум. Зуева этапировали в Москву, первая часть плана удалась на ура. Но Павел знал, что я ему не верю, вызов заключенного в столицу сделан исключительно под давлением общественности, требовалось

нечто такое, что заставит даже недоверчивого следователя поверить в уникальные способности мужчины. Вот только этого «нечто» Елена Князева никак придумать не могла. В конце концов у нее родился план. Для его осуществления Князева подговаривает родственников убитых направить в СИЗО опытного психолога, работающего с экстрасенсами, якобы для тестирования Павла.

Воронов на секунду прервался, быстро глянул на меня и продолжил:

– Что это был за план – нам сейчас совсем неинтересно, потому что он мгновенно поменялся в тот момент, когда Мария Голубева и я оказались на соседних стульях в бюро пропусков. У нас с девушкой завязалась ничего не значащая беседа, и вдруг ей позвонили. После краткого разговора Маша, которой, как потом выяснилось, за удачно проведенную встречу с Зуевым была обещана квартира, сильно занервничала. Она весьма обстоятельно доложила малознакомому мужчине из очереди о том, что болтала со своей подругой, у которой проблемы с супругом. Я ее ни о чем не спрашивал, а Голубева разоткровенничалась, потом попросила постеречь ее очередь, сослалась на зверский голод, убежала за булкой, быстро вернулась, угостила меня пирожками и выронила из сумки шарф. Я удивился: Мария была дорого, элегантно и модно одета, а кашне копеечное, цвет гадкий... Голубева заметила мою реакцию и быстро затараторила: «Купила вещь в подарок бабушке, иду к ней сегодня на день рождения».

Я ее опять ни о чем не спрашивал, психолог вновь разболталась, похоже, она сильно нервничала. Когда Марии разрешили вход в СИЗО, я через окно увидел, как она, идя по двору, вытаскивает шарф, бросает на землю скомканную бумажку... Ладно, не стану вас долго томить. Выйдя из бюро пропусков, я выяснил: пирожки и булочку Мария принесла с собой, покупку еды она использовала как повод для того, чтобы выскочить на проспект. Шарф Маша купила в ближайшей лавке и совсем не бабушке: она не захотела бесплатно упаковать вещь в коробку, следовательно, приобрела ее себе. Но зачем элегантной даме несусветная дрянь? Кстати, Маша могла в той же лавчонке купить платочек более подходящего для модницы цвета: голубого, розового. Но она взяла серо-буро-коричневую жуть. Отчего? Из-за размера. Страшное кашне имело два с лишним метра в длину, остальные были значительно короче.

Воронов замолчал.

– Не понимаю, – занервничала Ольга.

Макс открыл ноутбук, повернул его экраном к журналистке и сказал:

– Внимательно посмотрите на жест, который сделает психолог, гляньте, как завязан шарф.

Оля уставилась на компьютер.

– Мама! Он уложен буквой «М»!

– Верно, – согласился Воронов, – пока Голубева ожидала своей очереди на вход в СИЗО, Елена Князева в очередной

раз встретилась с Валерием, надеялась что-нибудь у него еще выяснить. Бузов, уставший от переживаний, внезапно расплакался, с ним случился самый настоящий истерический припадок, во время которого он рассказал про травму от секс-игрушки. У Валерия просто сдали нервы, он был как невменяемый. Князева быстро уложила мужчину на диван и живо вызвала своего знакомого доктора. Тот сделал Бузову успокаивающий укол. Валерий заснул, а проснувшись, начисто забыл о визите адвоката и своей беседе с ней. С ним из-за длительного, тяжелого стресса приключилась так называемая ретроградная амнезия, явление, хорошо знакомое специалистам. Услышав про отметину, Елена тут же звонит Маше со словами:

– Найди способ сообщить Павлу, что на теле Галины есть шрам в виде буквы «М».

Маша начинает нервничать и из-за этого слишком много болтает со мной. Психолог знает: в помещении для бесед есть камеры, написать она ничего не сможет, сказать тоже. И тут ее осеняет: надо купить брошку с именем «Маша» или кулон, подобные часто продают в лавочках. У Голубевой совсем нет времени, она кидается к соседним магазинчикам. Но ничего нужного ей нет. И тут в голову психолога приходит гениальная мысль: можно повязать шарф! Середину уложить в виде буквы «V», а по бокам свесить концы, вот и получится «М». Стоит начать поправлять аксессуар, а дальше остается надеяться на ум и сообразительность Зуева. Но

ведь можно придумать тест с ключевыми словами...

Воронов потер руки.

– Это все. Я сделал вид, что верю преступнику, его отвезли в Болотное. Подземный ход в монастыре открылся. Павел упал вниз. Жаль, вы не видели его лица, когда мужика схватили дежурившие в тоннеле омоновцы. Прижатая нами Голубева отчаянно перепугалась, сдала Елену Князеву, та выдала Ирину Зуеву. Сейчас все, включая Павла, которому точно прибавят срок, за решеткой. Мне очень жаль Валерия Бузова и остальных родственников жертв Храпова, но их жестоко обманули.

– Вы гениальный сыщик! – выдохнула Ольга.

Максим смутился и искоса глянул на меня. Я улыбнулся Воронову. Все в порядке, Ивану Павловичу не нужен лавровый венок, а вот Воронову необходимо реабилитироваться перед начальством и прессой. И ему удалось блестяще это сделать. Зачем нужен лучший друг? Чтобы помочь в непростой ситуации, а потом вместе отпраздновать ее благополучное разрешение!

Анна и Сергей Литвиновы

Тайна фаворита

Даже у гения бывают ошибки. И у президента. И у благотворителя. Давно известно: богачи раздают свои миллионы с единственной целью – замолить грехи.

Конечно, ошибки бывали и у меня – не гения, не правителя, не мецената. Обычного человека. Я не стану оправдываться. Просто задам вам вопрос. А вы сами были молодыми? И неужели никогда не теряли голову – от любви ли, от ненависти или потому, что элементарно перебрали со спиртным? И вас никогда не охватывало желание перевернуть этот мир, взорвать его скучные, мещанские устои? А возможно, вас предали, и вы мстили. Или, не выбирая средств, завоевывали чью-то любовь. Еще ведь бывают роковые случайности. Когда, допустим, вы за рулем, за окном темный вечер, и дождь со снегом, и на дороге слякоть, а вы устали и, конечно, даже не подумали протереть перед поездкой фары... И, скорее всего, вам повезет. А если нет? Если на ваше небрежение наложится еще одна случайность, роковая – какой-нибудь шустрый ребенок, которому лень дойти до пешеходного перехода? И все, готово. Да что рассказывать! Прокатитесь, ради интереса, до ближайшей к вашему дому колонии и увидите сами, сколько там обычных людей. Которым просто не

повезло. Неудачливых водителей. Или врачей, кто поставил – не со зла! – неправильный диагноз. Или, скажем, бухгалтеров, чья единственная ошибка лишь в том, что они слишком доверяли начальникам...

Да и живем мы с вами отнюдь не в тихой, респектабельной Европе. Это у западников все незыблемо и стабильно. Люди по тридцать лет честно выплачивают кредит за дом и традиционно заканчивают жизнь в чистеньких, пахнущих розами приютах. В тех же самых, где когда-то доживали свой век их собственные родители. А у нас – то коммунизм, то перестройка. То путч, то кризис. И боги меняются кардинально: только что был Ленин, и все равны. А потом вдруг сразу: золотой телец, и если ты без денег, то подымай, никого не волнует.

Случись сейчас Страшный суд, безгрешным не признают никого. Причем те, кто отбывает наказание по закону, окажутся не самыми страшными преступниками. В тюрьме сидят неудачники. Или глупцы. А грешившие расчетливо и обдуманно как раз преуспевают. И более всего успешны те, кто шел к своим целям напролом. Кто не оставлял свидетелей и не брал пленных.

Потому и я не собираюсь всю жизнь каяться из-за своего единственного, по глупости случившегося проступка. Да, получилось подло. Да, пострадали люди. Но что наша жизнь, как не череда ошибок?..

Я предан своему хозяину безусловно.

Я принимаю, что шеф жесток, часто груб. Может вскипеть, накричать. Даже убить. Имеет право. Невозможно иначе – коли управляешь огромной империей, то в ней, как в любом государстве, достаточно и врагов, и вредителей, и просто лентяев.

Но даже у столь сильного, неординарного человека есть своя ахиллесова пята. Его сынок. Матвей. Вот уж кто полная противоположность отцу! Нерешительный, трусливый, подленький. Даже и выглядит, будто неродной: хлипкий, сутулый, близорукий. Только если шеф, несмотря на всю свою занятость, два раза в неделю обязательно качает мышцы в спортзале, то Матвейке подобного и в голову не приходит. Зачем? И без того вокруг вьется полно девчонок – из тех, кто наслышан о папочкиных богатствах и только и мечтает наложить на них свои цепкие лапки.

Я не вправе осуждать своего начальника, хотя, возможно, ему и следовало в свое время уделять сыну больше внимания. Заниматься с ребенком, пока тот рос, читать ему книжки, брать на футбол. Но когда твой день расписан по минутам с семи утра и вплоть до полуночи, трудно возиться еще и с ребенком. Да и Матвея, я думаю, никакие занятия с папой не спасли бы. Он порочный от самого рождения. Природная

отбраковка, генетический сбой. Я начал вытаскивать его из разных передраг уже в школе. Прогулы, драки, мелкие кражи... А со старших классов – еще и выпивка, «травка», проблемы с девчонками... С ними у Матвейки никогда не получалось. Постоянно откупался от каких-то беременностей, менял номера мобильных, прятался по друзьям. А иногда и вовсе просил, чтобы его очередную соплюшку выгнал я. Начальник охраны отца...

Шеф, умный человек, конечно, понимал, что за ничтожество на самом деле его сын. Но никогда не отступался от Матвея. Даже когда тот, залив глаза, сбил на отцовской машине пешехода. Или, тоже спьяну, перебил витрины в роскошном бутике. Скольких моему боссу это стоило нервов, и седых волос, и денег, конечно... Но что поделаешь: голос крови. Родной сын. Не наплюешь, на зону не сбагришь.

И даже последним – самым последним! – желанием шефа было не сохранить и приумножить империю, но отомстить за сына. За никчемного, не сделавшего за всю свою жизнь ни единого доброго дела Матвейку.

А воля шефа, даже если я с ней не согласен, для меня закон.

* * *

Сидеть бы Полине всю жизнь в серых мышках, да случай помог. Или не случай, а то, что она с людьми умела ладить?

Всегда и выслушает, и посочувствует человеку искренне, от души. И никогда ничьих секретов не выдавала.

Чужая тайна в итоге ее и вывела – из полной неизвестности в круг влиятельных и богатых. Даже не пришлось никого предавать или подсидживать, все как-то само собой сложилось и завертелось, быстро, словно снежный ком...

Началось все с того, что на своей прежней скучной работе Полина подружилась с Анастасией. Хотя Настя по всем статьям в подруги ей не годилась. На десять лет старше, из богатой семьи в отличие от самой Поли, замужняя, да еще и заместитель директора. То есть – непосредственная начальница. Дружить с шефиной – путь скользкий, в жизни полно примеров, когда недавних фаворитов выгоняют с волчьим билетом. Но то ли Полине начальница попалась порядочная, то ли она сама вела себя безупречно. Несмотря на приятельские отношения, приказы Анастасии Евгеньевны исполняла беспрекословно, ни разу с работы не отпросилась, больничного не взяла. А главное, всегда держала при себе секреты, что порой поведывала ей леди-босс.

Не какие-то особо страшные, конечно. Ну, муж – самодур и ревнивец... Родители – зануды... Сестра – выпивоха... Главная же беда начальницы заключалась в том, что у нее никак не получалось завести ребенка. Вроде и никаких особых диагнозов, и врачи ее наблюдали самые лучшие, но только уже тридцать семь, а результата никакого, и с каждым месяцем шансов все меньше.

И хотя сама Полина о детях совершенно не мечтала (да и глупо о них мечтать, когда еще молода, а мужа нет и не предвидится), шефиню всегда выслушивала внимательно. Сочувствовала. Подсказывала. Пусть не особо в теме, но голова-то на плечах есть! И особенно поддерживала начальницу в те моменты, когда та совсем уже готова была сдаться и с надрывом в голосе убеждала Полину (а главное, саму себя) в том, что обойдется она и без ребенка, раз всевышний не дает...

А Полина Анастасии Евгеньевне всегда возражала. Ладно бы та какой-то совсем больной или неспособной к зачатию была. Но зачем опускать руки, если еще не все пути испробованы и медицина развивается с каждым днем? Хочешь дитя – так борись за него!

Полина и натолкнула начальницу на идею: коли не выходит родить самой – нанять суррогатную мать.

– А что такого, Анастасия Евгеньевна? Денег у вас с мужем, к счастью, хватает. Ребенок генетически будет ваш. К тому же удобно: не надо живот огромный таскать и всякую полезную пищу есть. Да и курить можно не бросать, и рожать не придется... Были б у меня возможности, как у вас, я бы и безо всякого диагноза себе суррогатную мать взяла. Просто так. Чтобы самой не мучиться.

Сначала шефиня от нее просто отмахивалась, продолжала стараться сама. Потом начала прислушиваться, собирать информацию в Интернете, а еще спустя пару месяцев позвала Полину в ресторан для серьезного разговора. Заказала доро-

гущий коньяк, а когда махнули по первой, торжественно и тихо произнесла:

– Поздравь меня, Полечка. Я беременна. – Осушила еще одну рюмку, грустно усмехнулась и добавила: – То есть не совсем я, конечно...

Далее последовал рассказ о множестве анализов, манипуляций и процедур (Полина выслушала единым духом, хотя почти ничего не поняла.) Многократно повторяемые просьбы, чтоб никому, ни при каких обстоятельствах ни слова. А потом шефиня вдруг произнесла, строго, словно они не в ресторане, а в офисе:

– И еще. Мне твоя помощь нужна. Не по твоей специальности, конечно, но больше мне обратиться не к кому.

Полина обратилась в слух, а начальница продолжила:

– Ты, я давно убедилась, человек надежный. И располагать к себе умеешь, как никто. Познакомься, пожалуйста, с моей, – начальница слегка запнулась, – так сказать, мамашей. Подружись с ней, если получится, а у тебя получится, я уверена. И последи. А потом мне все расскажешь.

– Расскажу? О чем? – не поняла Полина.

– Да как ведет она себя. Не выпивает ли? Не курит? А то ведь девица молодая, ветер в голове, и ребенок чужой – что его беречь?..

– Я попробую, конечно... – растерялась Полина. – Но что делать, если она, та женщина, не захочет?

И тут уж начальница показала, кто здесь главный. Брови

слетелись к переносице, голос окончательно заledenел:

– А ты сделай так, чтоб захотела. Считай это командировкой. Очень ответственной.

И поведала Полине свой план: она ее вроде как своей домработницей нанимает, на два раза в неделю. Но только задача будет – не убирать, а беременную девчонку пасти, благо та в квартире у начальницы живет, в гостевой комнате. Выслушивать все ее жалобы и докладывать обо всех прегрешениях.

Задание начальницы Полину, разумеется, огорошило. Хотя, если посмотреть: новая работа никак не скучнее, чем ее офисные обязанности. А зарплату Анастасия даже и прибавить пообещала. Вдобавок приятно, что во всей фирме никто ни о чем даже не догадывается, а ей такое доверие...

И девушка внимательно взглянула на светящуюся от радости шефиню:

– А вы не боитесь, Анастасия Евгеньевна, что я вас подведу?..

– Боюсь, – не стала отрицать та. – Но других кандидатов все равно нет. Любой – кроме тебя – может выдать. Сама представляешь, какие могут начаться сплетни, при моем-то статусе... А так – родила и родила.

– А как же... ну, животик, роддом и все такое? – заинтересовалась Поля.

– Не проблема, – отмахнулась начальница. – Буду имитировать беременность, это несложно. Месяцев с трех –

свободная одежда, а потом – в специальное ателье. Есть в Москве такое, где накладные животы делают – от совсем маленьких до огромных.

– Но я... я ведь совсем ничего не понимаю в беременности... – прошептала Полина.

– Дело нехитрое. И вообще: сама меня на эту идею натолкнула – вот теперь и расхлебывай, – улыбнулась Анастасия Евгеньевна. – Вопрос все равно уже решен. Завтра с утра вместо работы поедешь ко мне домой.

Вот так жизнь и столкнула с молодой украиночкой, веселушкой и хохотушкой Аллочкой.

...Сначала девчонка с новой якобы домработницей держала себя напряженно. Когда столкнулись в первый раз в кухне, отпрянула испуганно, пролепетала:

– Я... я сейчас уйду. Я только водички попить.

А Поля (одетая, как и положено домработнице, в старые джинсы и линялую футболку) лишь фыркнула:

– Да делай что хочешь! Только под ногами не путайся, я сейчас пол мыть буду...

Хотя и говорила шефиня, что на самом деле убирать не надо – Полина по-своему решила. Глупо сложа руки сидеть – хохлушка ведь что-то заподозрить может, если она просто бездельничать будет! Да и к домашней работе Полина привычная. Давно для себя открыла: если пол месяц не моется – потом его и не ототрешь, грязь намертво въестся. Поэтому в собственной квартире порядок наводила регулярно. Не

сломается, если и у начальницы уберет – за офисную-то зарплату!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.